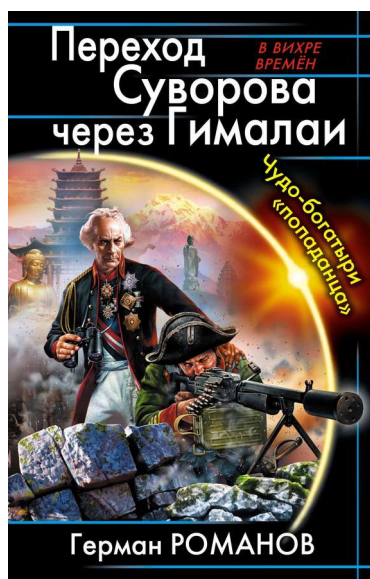

Герман Романов
Переход Суворова через Гималаи.
Чудо-богатыри «попаданца»
Серия ««Попаданец» на троне», книга 4

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7075210

Герман Романов. Переход Суворова через Гималаи. Чудо-богатыри «попаданца»: Яуза, Эксмо;

Москва; 2014

ISBN 978-5-699-72198-6

Аннотация

НОВЫЙ фантастический боевик от автора бестселлеров ««Попаданец» на троне», «Самодержавный “попаданец”» и «Царский блицкриг»! Оказавшись на месте императора Петра III, наш современник превращает Россию в мирового лидера. Но победы русского оружия и успехи отечественной промышленности неизбежно ведут к столкновению с хищной Британией, которая ради сохранения былого господства развязывает против российского «прогрессора» полномасштабную войну. Мировой пожар разгорается от Русской Аляски до Соловков, от форта Росс в Калифорнии до Варшавы, от Персии до Квебека, от Иерусалима до Индии, где и будет решаться исход войны, – чтобы обломать зубы британскому льву-людоеду, нужно лишить Владычицу морей «главного бриллианта в ее короне». А значит – даешь Калькутту! Даешь Бомбей! «Чудо-богатыри» фельдмаршала Суворова покоряют Гималаи. Индусы встречают арийских братьев с севера как освободителей. Русский солдат омоет сапоги в Индийском океане! Над Российской империей больше не заходит солнце!

Содержание

Пролог	4
Часть первая	9
День первый	9
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Герман Романов

Переход Суворова через Гималаи. Чудо-богатыри «попаданца»

*Светлой памяти трагически погибших племянников Андрея
Бугакова и Александра Колесника ПОСВЯЩАЮ*

Пролог

Петербург

15 марта 1801 года

– Моя воинская честь, сир, не пострадала, ибо тогда я был еще молод! К тому же противником стал ваш непобедимый маршал Суворов! Да и другие наши прославленные генералы не имели удачи в боях с войсками вашего императорского величества!

Второй консул Французской Республики, дивизионный генерал Жан Виктор Моро, еще не достигший и сорока лет, в расшитом золотой мишурой синем мундире горделиво вскинул подбородок, как будто заранее ожидал от российского императора похвалы. И он своего достиг, услышав из уст собеседника должную оценку собственных дарований.

– Вы тоже неплохо дрались, генерал. Фельдмаршал о вас самого прекрасного мнения – сказал, что вы из лучших военачальников Франции. Да и войска первого консула Гоша мне собственными глазами довелось зреть в сражении под Яффой... Тоже, как и вы, энергичный молодой человек! Чересчур даже... Генерал Жубер вообще славный юноша, совсем как мой внук, только горяч не в меру – потому и бит был нещадно под Нови. А вы молодцом, что командование тогда приняли и войска отвели, не побежали от нас в панике ваши части...

«Для того чтобы в плен вместе с раненым Жубером под Миланом попасть! Нужно было войска отводить, мы же на неудачных позициях бой приняли и потерпели поражение!»

Моро горько усмехнулся, но на душе все равно стало легче. Первый консул Гош, в свою очередь, не смог и отступить, потеряв всю армию, а сам бежал в Египет.

– А так, – русский император широко улыбнулся, – славные были битвы! Ваши солдаты дрались великолепно, почти как янычары под Кагулом. Французы храбры как львы, и если бы моих солдат было вдвое меньше, то нас могли бы и победить! Вот только боги войны рассудили иначе...

Моро содрогнулся – несмотря на уважительный тон, в словах проскочила язвительная насмешка. При Нови и Яффе республиканские войска имели вдвое большую численность, чем русские, но были безжалостно разбиты. Четырехкратный перевес, как следовало из высказывания царя, тоже не стал бы надежной гарантией для победы над москвитями. А потому сравнение с турками не вызвало резкой вспышки, а лишь горькое осознание собственного бессилия, которое вылилось в совершенно искренний ответ.

– Ваши солдаты, сир, достойны стать непобедимыми! Я видел их в бою не раз и не два и, честно признаюсь, не хотел бы еще раз столкнуться с ними на поле брани. – Моро внимательно посмотрел на Петра, но совсем иными глазами, чем прежде. То, что он раньше принял за старческую немощь, оказалось насланным мороком, миражом, утренним туманом, наваждением, призванным скрыть подлинную сущность.

Плавные и отточенные движения, в которых не было ничего лишнего, свойственны только опытным солдатам, которые не станут зря расходовать имеющиеся у них силы, не

столь большие, как в молодости. Шрамы на лице свидетельствовали, что император не избегал схваток, не понаслышке зная, что такое штыковые атаки.

«А ведь правду говорят, что он собственной рукою истребил два десятка гвардейцев, когда усмирал их мятеж сорок лет тому назад. Против османов ходил в атаку не раз, одна битва под Кагулом многого стоит! – Моро взглядом опытного военного пробежал по лицу императора. – Шрам на голове оставлен ятаганом, что разрубил каску... Прекрасный удар, и чудо, что он оправился от такой раны. Щеку царапнула пуля, ссадина пожелтела – давненько было. Гвардейцы?! Или янычары? На подбородке ранка, волосы не растут – не от шпаги ли самым кончиком досталось? Похоже на то... Правую кисть покалечило, шрам под обшлаг уходит. Да и белый крестик на груди с бантом, а последний дается лишь тем, кто был ранен в бою!»

– Я не боюсь войны с Францией, Жан Виктор! Но не хотел бы воевать с вашими солдатами снова, генерал! Мы и так только зря пролили нашу драгоценную кровь, а в выгоде от этого взаимного кровопускания остались рыжеволосые бестии, что засели на своем проклятом острове!

Моро в изумлении широко раскрыл глаза от столь шокирующей откровенности старого императора. Теперь, после его слов о британцах, Второй консул Республики вздохнул с неприкрытым облегчением – точка соприкосновения найдена, и появилась возможность хоть как-то договориться с русскими, невероятное могущество которых поразило генерала еще в Далмации, где под Триестом его зарвавшаяся победоносная армия, наголову разгромившая австрийцев, наткнулась на войска Суворова.

Воспоминания о той ужасной битве опалили душу генерала, он никак не ожидал, что дикие москвиты, над которыми смеялись в Париже, будут настолько опасны.

И не просто отважны...

Русские вооружены скорострельными и дальнобойными мушкетами, аналогов которых во Франции, несмотря на четыре прошедших года, до сих пор не сделали. И они вряд ли время напрасно теряли, поживая на лаврах! С таким императором не расслабишься, могли и что-то пострашнее придумать из «марсового» арсенала, ведь недаром у них и поговорка есть, что за истекший срок много воды может в реке утечь...

– Генерал, вы еще не родились, когда я со шпагой в руке водил grenadiers в атаку! Потому давайте говорить откровенно. Мы с вами люди военные, не будем ходить вдоль и около. Повторю еще раз – я не боюсь войны с Францией! Только все дело в том, что она мне не нужна. Да и вам тоже по большому счету. Зачем нам воевать? Ради чего?

– Сир, я полностью согласен с вами! Генерал Гош также не желает воевать с вашей империей! Но дело в том, что у нас нет гарантий, что вы в один из дней не обрушитесь на Францию своими победоносными войсками, устоять против которых невероятно трудно...

Генерал Моро говорил осторожно, глаза продолжали ощупывать Петра. Русский император усмехнулся и подошел к стене, плотно закрытой шторами. Он, потянув за шнур, их раздвинул, открыв большую, метров на шесть в длину, карту.

Жан Виктор впился в нее глазами, чувствуя, как в груди нарастает возбуждение. Такой подробнейшей схемы сего мира он еще не видел. Карта потрясла его тем, что все страны и континенты были тщательно обрисованы в их границах. Кроме того, еще дана разноцветная маркировка ведущих держав и их колоний.

Главное место на ней занимал красный цвет – огромное пространство от Балтики до Луизианы, единственной оставшейся французской территории в Новом Свете.

Английские владения отсвечивали голубым цветом, щедро разбросанным большими пятнами по всему миру.

Доминирующее место занимал желтый цвет, но если в Африке и Азии испанских территорий было немного, то Латинская Америка словно превратилась в сказочную страну Эльдорадо, цвет презренного металла буквально покрывал ее.

И менее всего на карте присутствовала темно-синяя расцветка его родной страны – ею покрыта лишь Франция и немногочисленные колонии, разбросанные по трем частям света.

Приглядевшись, Моро увидел тонкий пунктир, что шел по Рейну, огибал Швейцарию, как бы проглатывая Гельветическую республику, через Альпы спускался в Италию, где сталкивался с коричневой штриховкой «Священной Римской империи германской нации».

– Хорошая карта, – за спиной раздался насмешливый голос, – взяли глобус, сняли верхушки, и вытянули на всю стену. Шучу, шучу!

Однако голос русского императора тут же сделался серьезным, а взгляд по-настоящему пронзительным.

– Смотрите генерал, Республика уже потеряла практически все земли, бывшие при королях. Вас вышибли из Индии, ваши колонии всегда под угрозой... Правда, в Европе вы взяли определенный реванш у союзников Англии, но это на время. Как только ваши солдаты шагнут за Рейн, они именно это хотят сделать, неизбежно начнется новая война, и вам предстоит драться с моей армией. Ведь так, генерал?

Моро пожал плечами, вопрос был чисто риторический и не требовал ответа, да и не за этим он приехал в Петербург. Император словно прочитал его мысли и, усмехнувшись, заговорил дальше:

– Признаться, и мы не хотим войны, повторю еще раз. Хотя Англия предлагает мне семь фунтов за каждого солдата, причем просит выставить не меньше стотысячного корпуса...

Моро мысленно кхекнул от удивления, сумма потрясла его воображение. И это при том, что австрийцам и пруссакам, как он знал, Лондон соглашался выплачивать лишь по два фунта.

– Просто у нас хорошее оружие, генерал! – за спиной раздался уверенный голос императора. – А за прошедшее время, после той нашей первой войны с Республикой, мы времени даром не теряли. Смею вас заверить, генерал, у нас сейчас самые лучшие в мире пушки и ружья!

– Я согласен с вами, сир... – глухим голосом произнес Моро, внутренне ежась от дьявольской проницательности русского царя. Действительно, то, что он увидел в битве при Нови, поразило его, как военного.

Русские орудия стреляли чуть ли не на лье, вдвое дальше, чем французские, а их снаряды были начинены гораздо более мощным веществом, чем порох. Моро прекрасно помнил, как взрывались они в воздухе белыми клубками, а их смертоносная начинка – железные шарики и осколки, валили на землю его солдат целыми шеренгами.

Да что пушки, скорострельные ружья собирали жатву более кровавую! Если самые лучшие нарезные лиможские штуцера стреляли на семьсот шагов, и в минуту можно было выстрелить лишь пару раз, причем солдат должен быстро производить перезарядку, орудия шомполом, то русские винтовки прицельно стреляли на тысячу шагов, делая при этом в десять раз больше выстрелов.

Да еще их многоствольные пулеметы – Моро даже в мыслях научился выговаривать это трудное русское слово, свинцовый град которых буквально выкосил его кавалерию.

– Да, да, пулеметы, генерал!

Моро вздрогнул, он не ожидал, что русский император так легко начнет читать его мысли.

– Поверьте, когда у нас будет достаточно патронов, они станут царить на поле боя! Но уже сейчас каждый наш полк имеет по две такие установки, которых нет у вас!

«К нашему великому сожалению! – подумал Моро. – Будь у меня эти самые пулеметы, то ваш Суворов не смог бы прорвать ряды моих войск дикими казаками! Патроны, патроны, но где же их взять? Нужен капсульный состав, а вы, сир, – он поежился, чувствуя взгляд Петра между лопатками, – нам его ни за что не продадите, как тем же пруссакам. А без патронных ружей мы не сможем победить, и Гош, и Жубер это хорошо понимают, только зря солдат положим!»

Несмотря на мрачные размышления, Моро старался держать лицо непроницаемым, он уже боялся русского монарха с его дьявольским, другого слова и не подберешь, умением читать чужие мысли.

– Я не хочу видеть французских солдат за Рейном! И за Пиренеями тоже – все же тамошний король мне родственник, да и владения за океаном имеет обширные. Германцы должны остаться в нынешнем состоянии, и как можно дольше. Объединение тевтонов в единое государство я не приемлю, и неважно, под чьей эгидой оно бы могло произойти. Италия ваша, генерал, как и те земли, куда вышли французские войска. Но славяне – наши братья и по крови, и по языку! И мы вместе должны убедить Австрию поступиться! Эти условия непременно должны быть приняты Гошем, по всему остальному мы можем договариваться. Мир так велик, генерал, посмотрите на эту карту, – Петр сжал до хруста кулаки, – и единственным препятствием стоит Англия!

Моро чуть ли не задохнулся от острого приступа ошеломляющей радости – о лучшем исходе переговоров он и не мечтал, отправляясь в Петербург. Царь дал намного больше, чем в Париже рассчитывали. Но теперь нужна осторожность, чтобы не спугнуть капризную Фортуну!

– Ваше императорское величество, – осторожно начал генерал, – от имени консулов Французской Республики я уполномочен вести с вами переговоры! То, что вы, сир, великодушно предложили, вполне подходит для заключения между нашими странами договора, основанного на сердечном согласии...

Моро тщательно подбирал русские слова, ощущая себя словно в горах, идущим по узкому карнизу и страшащимся сорваться вниз, в бурлящую реку, на острые камни. Такое состояние он уже испытывал не раз – во время Итальянских походов, когда его войска не раз переходили через Альпы.

Второй консул вот уже пять лет со всем рвением изучал русский язык. Полгода в плену, а потом со специально нанятым учителем из российского посольства, который, смущаясь, весьма огорчил генерала тем, что речь, мастерски освоенная с помощью казаков и суворовских гренадеров, – не совсем русский язык и в приличном обществе, особенно в присутствии дам, ею лучше не пользоваться.

Но сейчас, как назло, те первые слова, что он выучил, сами лезли из горла, и Моро прилагал отчаянные усилия, чтобы не перейти на родную французскую речь, которой русский император владел превосходно. Вот так и шла их двуязычная беседа, где стороны показывали свои лингвистические способности.

– На сердечном согласии? Постойте, генерал... – император неожиданно перешел на русский, отчеканив, – «Антанте корриаль» и есть «Сердечное согласие»... Как вы удачно нашли слово, ваше превосходительство! Пусть наш союз и станет Антантой, лишь бы второй раз, вернее, первый, на те же грабли не наступить!

– На грабли? Но зачем нам наступать на сельскохозяйственный инвентарь, ваше величество?

– Наступать незачем, генерал, – Петр хмыкнул, – но остерегаться все же нужно! Это я так про Англию аллегорично выразился!

– Простите, сир, я не понял сначала! – Моро сиял. – Если мы вместе начнем воевать с британцами, то, думаю, рано или поздно мы победим...

– Последнее меня категорически не устраивает – война слишком скучна, если тянется долго. Да и дорогим удовольствием становится. Поэтому давайте решим с вами, генерал, как нам быстрее реализовать первый вариант!

Часть первая «Правь, Британия, морями»

День первый
28 июня 1802 года

Гостилицы

Яркий, ослепительный свет ударил сквозь веки вспышкой фотоаппарата, направленной прямо в лицо чей-то умелой рукой. Петр непроизвольно отшатнулся, крепко зажмурившись, не в силах проморгать глаза. Ему даже показалось, что он полностью потерял зрение.

«Я ослеп?!»

Накатившаяся на душу и разум паника вкупе с холодным и липким потом сковали тело ледяным пленом. Но тут же в голове застучали малиновыми переливами церковные колокола – динь-дон, динь-дон, динь-дон...

Бу-ум!!!

Оглушающим звоном подал голос большой набатный колокол. Его гул заставил завибрировать каждую клеточку тела, Петру даже показалось, что он словно растворяется в этой громогласной музыке, что с детства пропитывает православный люд.

Страшная слабость в коленях подкосила его, Петр безвольной куклой опустился на землю и откинулся на спину, разбросав в стороны руки, припав всем телом к шелковистой траве, будто утонув в ней, как в пуховой перине, что лежала в опочивальне у супруги.

От земли исходила приятная теплота, которая начала наполнять тугими волнами безвольное прежде тело. Слабость стала потихоньку отступать, организм неожиданно наполнился силой, причем намного большей, чем та, что была в мышцах раньше.

«Надо же, а ведь русские сказки не врут! Богатыря враги с ног свалят, а он прикоснется к земле-матушке и от нее уже новых сил набирается. Кому сказать такое, не поверят! Еще скажут, что новый Илья Муромец выискался, засмеют меня втихомолку, паршивцы такие!»

Мысли в голове медленно тянулись густой патокой, той самой, в которой мгновенно вязнут ушлые и назойливые мухи своими лапками.

Петр бережно потер ладонями глаза, на секунду испугавшись возможной слепоты, и после некоторого вполне понятного промедления разомкнул пальцами веки.

– Ух ты, я прям как Вий стал! Поднимите мне веки, поднимите мне веки! – с нескрываемым облегчением засмеялся Петр, чувствуя, как тягучий страх отступил, и тут же словно камень упал с души. – У... «Волчье солнышко»! Куда ж без тебя!

То, что он со страху принял за слепоту, оказалось всего-навсего глухой ночной тьмой, а оставшийся в мозгу светлый, ослепительный овал вспышки – яркая луна, что полным колесом, на радость волкам, медленно качалась на небесном своде, оставляя на земле длинную полосу прямой тропинки, которая начиналась прямо у его ног.

– Так это только полнолуние! Напрасно испугался ты, братец, что в тройку великих слепцов попадешь – Гомер, Мильтон, Паниковский... И я на этой лавочке рядышком с ними!

Петр искренне захохотал, замотав головой из стороны в сторону, словно конь, отгоняющий назойливых слепней. Сейчас он торопился поскорее избавиться от вызвавших панику мыслей. Однако, подняв голову и оглядевшись кругом, кхекнул от удивления.

– Ни хрена себе, как по заказу...

Лунная дорожка вела прямо к величественной церкви, массивные белые стены которой высились перед ним высоченной преградой. Петр задрал подбородок, пытаясь разглядеть купола, однако ночная тьма надежно укутала позолоту храма непроницаемым покрывалом.

– Ба! Знакомые места, ведь я здесь дважды бывал во снах! Точно, точно, та самая церковь, тут к бабке не ходи... Правда, раньше был день и вечер с багровым закатом, а теперь ночь. Хм... Так, значит, это сон... Тогда в первый раз дедушка Петр Алексеевич тросточку мне подарил, перед этим ею же ребра пересчитав! Отделал, как бог черепаху! Во второй раз обниматься полез, родственничек! Чуть ли лицо мне не опалил... Твою мать!!! Помяни черта к ночи...

Стоило ему подумать об императоре Петре Великом, как тут же из темноты вышли две долговязые фигуры. В руке первой, шагающей, как журавль на прямых ногах, знакомой походкой, покачивалась дубинка.

А во второй фигуре Петр с первого взгляда опознал старого знакомого – «счастья баловень безродный», Александр Данилович Менишков был в своем репертуаре: расфуфырен, как петух во время брачного сезона, в роскошном завитом парике, золотого шитья на кафтане хватило бы позолотить купол если уж не церкви, то часовенки точно...

– Надо же, стоило мне вспомнить про эту парочку, так они тут же явились. Накаркал! – сквозь стиснутые зубы, чуть слышно пробормотал себе под нос Петр, напряженно всматриваясь в приближающегося к нему первого Российского императора.

– Ну здрав будь, мой внук! Давненько мы с тобой не виделись! Почитай больше тридцати лет минуло...

– И тебе не хворать, дедушка!

Негромко огрызнулся Петр, которому очень не понравилась выразительная гримаса, пробежавшая по лицу «великого преобразователя дикой Московии». Да еще эти кошачьи усики, которые не могли спрятать ехидную улыбку...

И опять же Менишков, крутя пальцем длинные локоны завитого парика, довольно похабно оскалился во все ослепительно-белые зубы, будто узрел Петра в какой-то непотребщине. Гнев в душе на царского фаворита тут же полыхнул яростной вспышкой.

– Ты зубы-то спрячь, а то выбью, казнокрад! Кто три годовых бюджета России спер?!

– Да я... Что ты, батюшка, напраслину возводишь?! Честного слугу всякий обидеть норовит...

– Цыц, Алексашика! – неожиданно грозно рявкнул император во весь голос, с неммым одобрением глядя на Петра.

– Ворюга ты известный, Данилыч, так что помалкивай, а не то моей дубинки отведаешь!

– Так его императорское величество поклев на меня соизволил возводить, мин херц! Какие три бюджета?

Округлившись, прямо-таки честными глазами бывший сын конюха, в одночасье ставший светлейшим князем, посмотрел на своего обличителя, который встретил взгляд с насмешливой улыбкой. И тот, странное дело, смутился, стал притоптывать ботфортами, в задумчивости забормотал себе под нос. А пальцы правой руки зажали своей жизнью и принялись потихоньку сгибаться, будто Менишков что-то подсчитывал.

– Нет, батюшка-государь, три бюджета чересчур много! Один, ну полтора от силы... Никак не больше!

– Молчи уж, дурень вороватый, потому-то здесь ты и мучаешься, да и я с тобой...

Петр Алексеевич тяжело вздохнул, его нескладная фигура сгорбилась, будто на узкие, но отнюдь не слабые плечи взвалили нешуточную, неподъемную для обычного мужчины тяжесть.

«Ах, вон оно что!»

Догадка пронзила Петра, и ему стало жалко этого большого и нескладного человека.

«Да, правильно у Экклезиаста сказано – время разбрасывать камни, время собирать камни...»

– Зубы-то болят, внук?

Вопрос ошарашил Петра, и он машинально провел сухим языком по еще крепкому, несмотря на возраст, «частоколу».

– Да вроде не болят... – после долгой паузы осторожно ответил Петр, чувствуя всем своим нутром, что император не мог просто так задать этот вопрос, тут явно присутствовал какой-то подвох.

– Возьми уж, она тебе пригодится!

Император протянул Петру дубинку, но тот брать ее не спешил, даже убрал руки за спину.

– Да ни к чему она мне, да и зачем?

– Зубы вышибать будешь!

Меншиков глумливо засмеялся, и бешенство тут же тугим комком подкатило к горлу.

– Поговори у меня! С тебя первого и начну!

– Так его, Петр, пусть знает свое место! А зубы, внук, не вышибают. Я их с корнем рвал!

– Так то ты, дедушка, а мне это не к лицу...

– Ну как знаешь, внук! Не хочешь брать дубинки, не надо, наше дело предложить.

Император поглядел с какой-то непонятной тоскою в глазах, тяжело вздохнул, покачал головою и глухо добавил, протянув к плечу Петра свою натруженную, в застарелых мозолях ладонь.

– А вот силенок мыслю, тебе много понадобится, негоже из-за больных зубов дела великие прерывать!

Петр содрогнулся всем телом, тяжелая длань императора давила ему на плечо раскаленной болванкой в добрую сотню пудов. Колени непроизвольно подогнулись. Жаркая боль мгновенно охватила все плечо и стала расползаться по телу, терзая его и корежа. Теряя сознание, Петр отчаянно рванулся от деда и громко закричал, чуть ли не завизжал:

– Уй-я-я!!!

Побуждение оказалось спасительным, плечо перестало немилосердно жечь, и, закрепляя успех, Петр рванулся в отчаянном броске...

– Ух ты!

И неожиданно проснулся, открыв глаза, перед которыми застыла белая пелена в красных отсветах. И тут же почувствовал, что куда-то падает, что твой Икар, не в силах остановить неудачный полет.

– Мля!

Больно стукнувшись лбом о дощатый пол, Петр понял, что это не продолжение сна, а самая доподлинная реальность...

Петербург

– Ты бесподобен, мой милый Чарльз! Давно я так хорошо не проводила времечко! Муж совсем фамилию не оправдывает, мерин выхолощенный, постылый...

Английский посол чувствовал себя таким же выжатым лимоном, как те крупные желтые плоды, что шли к традиционному вечернему чаю – от таких милых домашних привычек истинные джентльмены не отказываются даже на чужбине.

Вот и эта женщина, охочая до ласк, как ненасытная менада, и безумно жадная до денег, буквально выпивала из него все соки – как в постели, так и в его секретере из добротных дубовых досок, где он держал самое главное оружие настоящего дипломата, без которого любой политик немислим.

Там в тугих кожаных мешочках ожидали своего часа взглянуть на дневной свет полновесные золотые монеты – французские луидоры с профилем казненного короля, добрые английские гинеи и соверены, но главным образом полновесные русские импералы.

Уинтворт стоически переносил эти неприятности, которые, положа руку на сердце, таковыми и не являлись по большому счету. Когда речь идет об интересах британской короны, не может быть ни малейших стенаний о каких-либо неудобствах.

Ведь дело превыше всего!

Если бы от него потребовалось совокупиться в паршивом сарае с грязной чухонской девкой, лощеный британец не задумался бы и на минуту. А ведь он сейчас лежит не на гнилой соломе, а на мягкой пуховой перине, тело обдает горячим женским жаром, ноздри ловят аромат полузабытого французского парфюма, ласкающий и возбуждающий одновременно, а мягкие руки нежно обвивают шею.

Что же касается денег, так они не его личные (будь иначе, Чарльз без малейших колебаний незамедлительно избавился бы от такой ненасытной содержанки), а Форин Офис, и действительно необходимые траты таковы, что правительство уже не считает золота...

– Русские гвардейцы потеряли честь и служат этому мерзкому старикашке, как цепные псы, за одни только обглоданные кости! И это аристократы?! Холуй!

Женский голос дышал праведным гневом и был довольно-таки неприятен истеричными и визгливыми нотками. Однако английский посол Уинтворт стоически переносил эту неприятность.

Тем паче любовница тут же принялась, дрожа как в лихорадке, поглаживать его по груди, царапая при том ногтями. И руки, словно лианы, снова обвили его шею, а полные чувственные губы впились поцелуем, больше похожим на укус бешеной собаки. Да и сладости объятий не чувствовал Уинтворт – словно удавку на шею висельника накинули...

«Она оправдывает свою фамилию! Это не женщина, а племенной жеребец в обличье Елены Троянской! Она высушивает меня, и если опять восхочет, то мне потребуются все силы, чтобы выполнить мужской долг. И помощи здесь не попросишь, такие дела другим не доверяют. Нужно перетерпеть, без ее участия никак не обойтись, иначе моя карьера или вскоре рухнет, или взлетит на незабываемую высоту! Но как она мне надоела!»

Однако мысли текли без особого раздражения, а привычно, словно весенний ручеек, спустившийся с гор, добрался до пересохшего русла арыка, и теперь царапает прохладной струей горячие комья растрескавшегося под жарким пустынным солнцем глинистого песка.

– Братя решили напасть на него сегодня, Чарльз! Пока он в Гостилицах... Там его можно достать, с ним всего два казака, и то он их оставляет, когда по окрестностям ездит.

Женщина приподнялась на локте, не обращая внимания на бесстыже открытую грудь, которую она не соизволила целомудренно прикрыть одеялом.

Торчащие красные соски не вызвали в любовнике привычного вожделения, зато от слов его душа прямо возликовала – задание, полученное месяц назад из Лондона, будет выполнено.

«Наконец-то они решились! Сегодня, уже сегодня!»

Кронборг

– Англия всегда выступала верным другом вашей прекрасной и гордой страны, полковник!

Вкрадчивый голос ночного визитера тем не менее звучал достаточно властно и уверенно, так может говорить только тот, кто немалое время провел на кораблях, где всегда требуется громко подавать команды.

Комендант крепости Аксель Сундстрем внимательно посмотрел на незваного гостя, в котором явно угадывалась военная выправка.

– Кто вы? – без обиняков, как следует всегда поступать настоящему офицеру, требовательно спросил швед, пристально глядя на своего собеседника. И не менее властным голосом уточнил: – От кого имеете поручение и что вам от меня нужно? Надеюсь, что вы будете предельно откровенны!

– Я капитан флота Его Величества Джеймс Хадсон! К вашим услугам... сэр!

Полковник угрюмо засопел.

Высокомерные британцы всегда говорили про свой флот так, что все их собеседники сразу понимали, о какой именно стране идет речь. Все остальные флоты мира требовали уточнений – шведский королевский, русский императорский и прочие.

– Я готов вас выслушать, капитан!

– Утром наша эскадра адмирала Паркера войдет в проливы. Мы начинаем войну против России и уничтожим ее корабли, что стоят у датской столицы. Но не будем воевать против вашей страны, сэр! Конечно, недостойно джентльмена, но здесь совершенно иные соображения. Датчане – верные клеветы русских варваров, чего не скажешь о шведах, которые долгое время воевали против них и московитов. Лишь в последнее время ваша страна, полковник, прошу простить меня, стала пристяжной в этом нелепом «Северном союзе». Но, может быть, вы вскоре сами поймете, что дочь русского императора – не самая лучшая кандидатура на престоле вашего государства, и сделаете более правильный выбор. И в полной мере оцените старания Англии, которая всегда поддерживала «королевство своев, готов и вандалов» в противодействии русским притязаниям!

Речь британского офицера прозвучала в унисон мыслям шведского коменданта, являвшегося сторонником покойного короля Густава и сосланного русской регентшей из столицы фактически в ссылку, на эти продуваемые всеми ветрами скалы.

– Зачем нам воевать с вами, если только с нашей помощью Швеция вернет себе прежнее могущество? Союз с Россией – это нелепый мезальянс, не более чем временный, в котором ваша страна занимает униженное положение младшего партнера, если не сказать хуже...

Полковник снова угрюмо засопел, так выразительно, как могут делать только потомки свирепых викингов.

Русских он сильно недолюбливал, политический союз с датчанами считал противоестественным и был бы рад, если бы Швеция смогла вернуть не только прежнее положение, но и все свое древнее балтийское наследие, потерянное в результате несчастливой для нее Северной войны.

– Что вам нужно?

– Сущую безделицу, сэр. Наши корабли весьма близко пройдут у вашего берега, ибо датчане гасят маяки. Потому просим зажечь фонари, дабы случайно не зацепить скалы. Я понимаю, это вызовет определенные расходы, а потому готов предложить достойное возмещение.

Англичанин достал из-под полы длинного морского плаща туго набитый кожаный мешочек и положил его на стол, внутри еле слышно звякнули золотые монеты.

Швед задумался, понимая, что ночной визитер сильно лукавит, если не сказать больше. И не случайного кораблекрушения он опасается – Королевский флот боится мощных пушек датской крепости Кронборга, что стоит на противоположной стороне пролива.

«Все правильно. Если я прикажу стрелять по британцам, то мы возьмем их эскадру под перекрестный огонь и уничтожим еще на подходе. Если прорвутся, но изувеченными, да и не все, а в лучшем случае половина. Вот только оно мне надо?! Служить злой русской королеве, которая законопатила меня здесь?! Нет, нет и нет!»

– Я прикажу зажечь фонари, капитан!

Соловецкий монастырь

– Владыко, никак сюда бабы пожаловали?! Прости мя, Господи, грешного!

Келарь Пимен размашисто перекрестился, хотя поначалу хотел сплюнуть. Монастырь держался в осаде уже два дня – братья, паства, сбежавшиеся отовсюду местные крестьяне-поморы, паломники и немногочисленный солдатский караул заперлись за массивными, сложенными из валунов стенами старинной крепости.

Много чего повидала обитель за свою более чем двухсотлетнюю историю. Не раз укрывшиеся за ее стенами монахи отбивали штурмы как неприятеля, так и царских войск в годину Раскола.

Но никогда под ее стенами не творилось такого непотребства – под тягучие, противные и протяжные звуки, чеканя шаг, маршировали солдаты в красных мундирах, но вот вместо штанов они были обряжены в нечто похожее на юбки и с гольфами на волосатых ногах.

– Это надо же, мужики, да бабами вырядились!

– Тьфу, непотребство сплошное!

– Содом и Гоморра, братья!

– Войско Антихристово пожаловало!

– Под пение бесовское!

– С нами крестная сила!

Монахи плевались, не в силах совладать с омерзением, а их натруженные ладони крепко сжимали взятые по такому случаю старые гладкоствольные фузеи.

Солдаты, как и прихожане, не в пример им, были разговорчивее, они смеялись, переговаривались между собой, тыкая пальцами в лагерь осадившего обитель неприятеля.

– Портки-то хоть носят под юбками?! А то зацепятся сокровищем да и оторвут себе напроць!

– Чудные какие?!

– И почто бабью справу надели?

– Га-га!

– Смотри, Семеныч, ночью на вылазку пойдешь, с бабой гляди не перепутай! А то будет тебе, ха-ха!

– Да не ха-ха, Степан! Для того есть мудреное господское слово – разочарование!

Однако хохот на стенах угас моментально, стоило суровому и властному отцу настоятелю, носящему высокий сан архимандрита, подать свой зычный голос, в котором звякнули непреклонной волей стальные нотки опытного командира:

– А ну цыц, охальники, епитимью наложу!

Все тут же сконфуженно замолчали, стыдливо отводя в стороны глаза. Архимандрит Мефодий с вбитой на всю жизнь военной выправкой, щеголеватый, как свойственно гвардейцам, расправив плечи, гордо стоял на парапете, взирая на неприятельский лагерь.

– То не мужики бабами нарядились, дети мои, это шотландцы, скоттами рекомые, к нам пожаловали! И не в бесовские дудки они трубят, сии инструменты волынками именуется.

– Прости мя, владыко! – за спиной раздался еле слышимый голосок кого-то из прихожан. – Непонятно мне зело, ведь первый раз в жизни скотов вижу, что волыну тоже тянут?!

Не сдержавшись, прыснули смехом многие, закрывая рты ладонями, но когда увидели, что отец настоятель тоже усмехнулся в седую бороду, гомерический хохот грянул с такой силой, что моментально согнал чаек, облюбовавших башенные шатры.

– Мыслью, завтра на приступ пойдут... Изопьем мы чашу смертную!

– Почему так думаешь, владыко?

– Они пушки еще не сгрузили, так что сутки у нас есть. Я в воинском деле малость разбираюсь, семь лет в гвардии императора Петра Федоровича отслужил... Стишата пописывал. – По лицу настоятеля словно пробежала судорога. – Мирское все, суетное... Даже фамилию свою и то забывать стал, а она у меня с державой созвучна.

– А чин, владыко, большой выслужил?

Келарь знал, что архимандрит в мирской жизни был офицером, и в немалом чине, потому надеялся, что его воинский опыт позволит отбить неприятеля, что в столь большом числе кораблей напал на мирный монастырь.

– Подпоручиком самим государем за храбрость пожалован, офицерской шпагой и Александровской медалью... За Гостилицкое поле... Мост я там взорвал... Десятки православных душ загубил! Хоть и пожаловал меня император, да грех тяжкий на душу взял. Давит меня ноша сия. Все прощения отмаливаю...

Игумен присел на холодный камень, погладил ладонями больное колено, суровыми глазами посмотрел на быстро темнеющее на востоке небо, что заслонило восходящее солнце. Затем взглянул на британские корабли, добрым десятком стоявшие на якорях в губе.

– Ноги болят, к непогоде. Зрю я, шторм скоро грянет... Стихи на душу просятся, слышал я их раз от Петра Федоровича – «Буря, пусть сильнее грянет буря!»

Петербург

– С братьями будут несколько благородных дворян, что решились поднять руку на тирана! На этого грязного, мерзкого старикашку, который томит достойных людей в столь низких чинах, не оценив их достойные лучшего заслуги! Надеюсь, мой милый...

– Мой король в полной мере оценит их героизм и благородный порыв! Ибо все будет сделано во благо и России, и Британии. Ради процветания наших стран в узах дружбы, как завещано еще царем Петром.

Посол мгновенно понял, что от него хотят, благо с подобными просьбами к нему приставляли уже три года.

Он живо вскочил с мягкой перины и, одернув длинную ночную рубашку (в противоположность своей любовнице, этот почтенный джентльмен не любил спать обнаженным), беззвучно шагая по мягкому персидскому ковру, ласкающему ступни своей теплотой, дошлепал до секретера. Дверца с мелодичным звоном отворилась, и Уинтворт извлек двумя руками из темного нутра тяжелый мешок.

– Надеюсь, этого хватит, мое сокровище?!

Двадцатифунтовая тяжесть приятно оттягивала руки, и женщина мгновенно, как и большая часть представительниц прекрасной половины человечества, оценила дар. Правда, тут же поинтересовалась с обоснованным опасением в голосе:

– Надеюсь, мой милый, здесь не ваши гиней?!

– Ну что ты, дорогая, мы ведь пока еще в России! А вот когда я увезу тебя в Лондон... Нас вскоре ждет великое будущее, моя прекрасная Ольга, пред нами откроются двери лучших домов, тебя с почестями примут в Виндзорском замке!

Слащавый, как густая патока, голос дипломата завибрировал фальшивой теплотой и тут же приобрел насквозь деловые нотки:

– Десять тысяч рублей, майн дарлинг, это только задаток! Причем очень маленький! Здесь у меня золота на сто тысяч империалами, и все они ваши! За освобождение России от

тирании, приобщение к великим демократическим ценностям, что доступны любому цивилизованному британцу... Нет, нет, такой подвиг достоин не только восхищения – герои получают два миллиона рублей золотом!

Сумма была не просто впечатляющая – оглушительная, совершенно нереальная, что наводило на подозрение, что таковая прорва золота никогда не будет выплачена.

Однако Уинтворт не лгал ни на йоту, именно эту столь щедрую выплату гарантировали тем отважным русским заговорщикам, что решаться убить зажившегося на свете русского императора, величайшего ненавистника «старой и доброй» Англии.

Все правильно – сорвать русско-французский поход на Индию, «жемчужину Британской короны», что готовился Петербургом и Парижем в тайне, стоило любой ценой...

Тегеран

– Александр Николаевич, уезжайте немедленно!

Пожилый казак с окладистой черной бородой, сквозь которую обильно пробивались серебряные нити седины, говорил настолько умоляющим голосом, что даже прижал узловатые ладони к крепкой и широкой, отнюдь не старческой груди.

– Уезжай, Христа ради! Прошу тебя, ибо нутром чую, скорая беда сюда грядет!

– Не могу, Никодим Павлович, – глухо отозвался Радищев, скривив в злой гримасе тонкие губы. – Не имею я права бежать, сотник! Ибо лицо я державы Российской! Посол я, как могу труса праздновать?

– Убьют же тебя, Александр Николаевич... Я-то с казаками смертный бой приму, живот за Веру с честью положим! Но седой Яик не предаю, умирать казакам – дело привычное, много нас в походах гибнет! А вот тебя жалко, убьют ведь... Человек ты хороший!

– Эх, Никодим Павлович! – В глазах Радищева блеснули слезы, он порывисто обнял старого атамана. – Спасибо за заботу, но ведь и я службу тоже несу! Что значит смерть, если долг россиянина честно исполнен?! У меня к тебе просьба только...

– Приказывай, все исполню! За царя голову сложу!

– Нет, Никодим Павлович, именно просьба, личная...

Радищев подошел к шкафу и открыл створку двери. Из какого-то тайного закутка достал стопку писчей бумаги, бережно завернул в парусину, обмотав сверток поверху шелковым кушаком.

– Это книга моя, государь ее попросил написать, когда меня сюда послом отправил. Так и сказал: «Напиши книгу – путешествие из Петербурга в Тегеран. Только правдиво и хорошо напиши, чтоб студенты в будущем с нею не мучились». Непонятно так сказал, но с улыбкой.

– Все сделаю, из посольства выйти еще можно! Ты уж, Александр Николаевич, ежели что...

Сотник взял сверток и хмуро посмотрел на Радищева и, не договорив, обреченно взмахнул рукой и вышел, чуть косолапя, как все природные кавалеристы, рожденные на коне.

Александр Николаевич тяжело вздохнул, неспешно подошел к набранному из кусочков цветного стекла окну.

Разглядеть что-либо через него было невозможно, однако завывание дервишей и гул приближающийся разгоряченной толпы густыми волнами докатывался до стен русского посольства, где уже засели в обороне два десятка уральских, сиречь яицких казаков, угрюмых и степенных староверов, да полдюжины слугителей МИДа с отрешенными бледными лицами, но решительно настроенные.

Старик священник всех исповедовал и причастил в посольской часовенке, даже казаки-старообрядцы выслушали его с несвойственным им смирением, без обычного презрения к «никонианам», и остался в здании, несмотря на настойчивые уговоры укрыться в городе у христиан, дабы последний бой вместе со своей паствой принять.

Два дня назад персидский шах, безвольный Фетх-Али, игрушка в руках властной знати, принял решение начать очередную войну с Россией. Второй хан династии Каджаров, а первым был его дядя, оскопленный евнух гарема, но жестокий и честолюбивый, а иначе он бы не стал правителем, пылал жадой мести...

Гостилицы

– Ты рогоносец, Бонасье! Рогоносец!

Петр пристально смотрел на себя в зеркало. И отражение ему сильно не понравилось. Ровно посредине лба, и надо же было так ухитриться, красовалась, отливая сиреневым перламутром, здоровенная набухшая шишка в полвершка вышиной.

Он заполучил сию отметину после падения со стула, на котором император благополучно заснул, усевшись за стол и занимаясь обременительной, но привычной писаниной.

Свидание с Петром Алексеевичем оказалось не вещим сном, как в первый раз – Петр тщательно обыскал всю комнату самолично, чуть ли не перевернув все верх дном, но дубинку «любимого дедушки» так и не отыскал, хотя сильно надеялся.

А жаль, хороший раритет, достоин любого музея мира, особенно если припомнить, что сия дубинка охаживала генералиссимуса и светлейшего князя Меншикова, доставалось от нее будущему фельдмаршалу Миниху, генерал-прокурору Ягужинскому, вице-канцлеру Бестужеву и многим другим генералам и сановникам, что оставили яркий свет в русской истории. Причем с некоторыми из них сам Петр был знаком лично, а кое-кого, несмотря на весьма значительную разницу в возрасте и искреннее почитание стариков, он самолично оттузил, памятуя дедушкины наставления.

Иначе было нельзя!

Сажать на тюремные нары вроде как неудобно, а тут тебе и наказание, и уважение, ведь именно битые данные вороватые господа, несмотря на свои преклонные года, воспринимали с привычной терпеливостью и исконно русским фатализмом. Да и сами прекрасно осознавали – вора бьют не за то, что украл, а за то, что за руку пойман...

Или за две, уже по локоть запущенные в государственную казну. Такой народ в России – доброту принимают за слабость, таску почитают за ласку, а многие вообще без «звездюлей» как без хлеба!

Оттого «голодают» и сами напрашиваются, ибо почему-то совершенно искренне считают, что справедливый монарший гнев, выраженный рукоприкладством, намного полезнее, вроде даже как манна небесная, чем нарочитое и ледяное равнодушие царственной особы или каторжные работы с конфискацией имущества и поместья.

Тут Петр хмыкнул, вспомнив, как в стародавние времена его царственный тезка пытался самыми тяжкими карами сломить приказных подьячих и заставить их честно трудиться.

Еще в институте в одной из хрестоматий он отыскал грозный приказ по Тульскому оружейному заводу, на котором выпустили партию бракованных фузей. Суровая такая бумага – управляющего секли кнутом и наложили тройной штраф для возмещения ущерба. Олдермену рвали ноздри и, поставив клеймо, угнали в Сибирь на поселение.

Нерадивым мастеровым тоже от царя изрядно доставалось, но в основном по задницам и спинам, ибо наказание определялось количеством ударов и видом палаческого инструмента – в ходу были розги, шпицрутены, кнут или плеть.

Но самая страшная кара, по всеобщему признанию наказуемых, обрушилась на идущего в конце списка подьячего – его было приказано отлучить от воскресной чарки на один год с приставлением солдата, что должен был ежечасно караулить возле горемыки, дабы тот со злым умыслом монаршим указом не пренебрег...

– Государь-батюшка, завтрак подавать?

Молоденький слуга заглянул в комнату и низко поклонился, но отнюдь без раболепия. Петра в Гостилицах любили и почитали как родного отца, которым он и являлся для них в действительности. Ибо сейчас здесь была его личная вотчина, памятный подарок о беспокойных июньских днях 1762 года от покойного графа Андрея Разумовского, морганатического супруга императрицы Елизаветы Петровны, с которым здесь вели искреннюю беседу о будущем России.

– Подавай, – махнул рукою Петр и тут, вспомнив несчастного подьячего, добавил: – Чарку вина хлебного принеси, которая на анисе настояща. Водка добрая, стоит отведать. И огурец малосольный на закусь!

– Сейчас, царь-батюшка. – Юноша склонился в поклоне и исчез за дверью, а Петр потянулся всем телом, чувствуя, как хрустят его старые косточки. Да, уже старые – настоящему телу через год три четверти века станет, хотя ему лично всего 62 года.

Раньше, в студенческие времена, такой возраст показался бы ему преклонным, но сейчас он даже его солидным не посчитал: если есть желание трудиться и творить, пока человек мечтает о добре, как в молодые годы, то какой с него старик?!

Желания и энергии на десятерых юнцов, пусть хворость телесная иной раз одолевает...

– Царь-батюшка, там к тебе сам Александр Васильевич пожаловали. – В комнату влетел давешний слуга и ловко, одним движением руки, схватив тяжелый стул, поставил тот напротив двери в трех шагах и тут же скрылся, дематериализовался как бесплотный дух.

Старого фельдмаршала Петр любил – привык к нему за долгие годы и всегда мог на того положиться в любой ситуации – гениальный полководец, единственный из русских военачальников, за всю историю России никогда не испытывший горечи поражения.

Петр живо опустился в мягкое кресло и, протянув руку, уволок с кровати теплый шотландский плед. Тщательно прикрыв им себе колени, он живо изобразил позу больного старика, сидящего у камина, пусть и не протопленного по летнему времени.

– Никак ты захворал, батюшка?!

Сухонький маленький фельдмаршал ворвался в комнату как вихрь, и своей птичьей, чуть подпрыгивающей походкой (много лет назад Суворов наступил на иголку, и легкая хромота осталась у него на всю жизнь, отчего турки прозвали его Топал-пашой – «Хромым генералом») направился прямо к креслу, на котором сидел мнимый больной. Огибать нарочно поставленный стул полководец не стал, а через него перепрыгнул, перепорхнул, аки птица, будто не заметив препятствия.

Петр улыбнулся краешками губ – тест фельдмаршал легко сдал. Вот уже тридцать с лишним лет при всех визитах Суворова в царские дворцы прислуга специально ставила на пути различные препятствия: стулья, пуфики и кресла. И никогда старый генерал их не обходил, а всегда перепрыгивал, словно опытейший спортсмен, увешанный олимпийскими медалями за бег с барьерами.

– Да вот, захворал, знобит немного, – фальшиво протянул Петр, вставая с кресла. – Стар стал, ослаб в коленках...

– Так пройдишь немного, разомни ноженьки. Полегчает, батюшка! Сидя-то любая хворь прилипнет!

Петр усмехнулся краешками губ, с кряхтением сделав движение головою, будто собирался отвесить поклон, вот только старческая немощь его совсем уж одолела. И заговорил хрипло, нарочито демонстрируя одышку, которая в его 73-летнем возрасте более чем вероятна.

– Не ценят нас, стариков! Даже мебели сдвинули, чтоб тяготы лишние добавить, нехристи нерадивые!

Шаркая ступнями по полу, Петр тяжело подошел к стулу и лихим кенгурячьим прыжком перемахнул через спинку, мысленно восхитившись своей ловкостью – вчера из трех попыток ему удалась только одна.

Затем он склонился, крепко схватил ладонью ножку стула и одним рывком поднял вертикально прямо к потолку. Старый «общаговский» трюк удался, хотя мышцы напряглись тетивой лука.

– Хитер ты, батюшка-государь, милостивец наш! – за спиной раздался ехидный голос Суворова. – Ты с Михайло Ларионычем, как два старых лиса, хитрющие – никто вас не обманет. А сами вы такие петли делаете, куда там зайцу, что сразу-то и не разберешь. Уж сколько лет тебя знаю, а все норовишь меня обмануть...

Кронборг

Палуба 72-пушечного линейного корабля «Бодиацея» ощутимо подрагивала, когда форштевень входил в белый бурун набегавших волн. Половина парусов была убрана – идти на полном ходу по мелководным и коварным датским проливам удел совершенных безумцев.

– Нам велят остановиться, сэр!

Верный флаг-офицер Трубридж, вот уже семь лет состоящий при вице-адмирале Нельсоне, протянул руку. По правому борту возвышались укрепления датской крепости, запиравшей проход в Копенгаген.

Слева, на противоположной стороне пролива, грозно топорщились каменные укрепления уже одноименной шведской твердыни. Эти два старинных замка располагали достаточно мощной артиллерией.

Открой из них стрельбу одновременно (здесь опасения осторожного флаг-офицера оказались отнюдь не беспочвенны), то вытянутая кильватерной ниткой английская эскадра в течение получаса была бы разбита и растерзана перекрестным огнем.

– Сэр, датчане подняли сигнал, требуют убрать паруса.

– Не вижу! – громко произнес Нельсон, прикрыв ладонью здоровый глаз, а к вытекшему приставил подзорную трубу.

– Запомните, Трубридж: не на все угрозы следует обращать наше внимание. Многие не стоят и тарелки вчерашней каши. Поднять сигнал! Три румба влево, мы пройдем под шведским берегом.

– Но ведь там тоже могут открыть огонь, сэр!

– Вряд ли, – равнодушно пожал плечами Нельсон, – вчера шведскому коменданту наш старик Паркер сделал предложение, от которого было невозможно отказаться...

Вице-адмирал соорудил такую брезгливую гримасу, что Трубридж сразу понял, что здесь не обошлось без действительного участия полновесных английских соверенов.

– Сэр, датчане грозят открыть огонь.

– Не обращайтесь внимания, Трубридж! – Нельсон усмехнулся. – Мы уже вышли из зоны обстрела их орудий...

Последние слова адмирала заглушил мощный гром – укрепления датского Кронборга были окутаны белым пороховым дымом одновременного залпа нескольких десятков пушек. Несмотря на полторы мили разделявшего их расстояния, все англичане хорошо видели круглые черные мячики ядер, что летели в сторону их кораблей.

– Они бесцельно изводят порох, – усмехнулся Нельсон тонкими губами, глядя, как веселятся английские моряки при виде водяных султанов, что вставали в паре сотен ярдов от борта флагмана. Самое приятное для моряка – это ощущение собственной неуязвимости.

– Вот видите, Трубридж, – повторил Нельсон с легкой улыбкой, – мы легко миновали датскую преграду и уже через несколько часов подойдем к Копенгагену. А там заставим датчан уважать британский флаг! Но если они откажутся, то...

Вице-адмирал не договорил, однако его лицо приняло такое жесткое выражение, что флаг-офицер сразу понял, что ожидает Копенгаген в случае упрямства и неуступчивости. На всякий случай флаг-капитан Трубридж покосился на близкий, до которого без малого можно чуть ли не дотронуться вытянутой рукою, шведский берег.

Там, всего в кабельтове, крепостные стены, обросшие зеленым мхом и белые от потев морской соли, подернутые легкой дымкой утреннего тумана, застыли в угрюмом молчании...

Петербург

– Тиран будет убит! Петрушка низвел нас, дворян, до уровня мужиков, он отнял у нас право быть властителями!

Платон Зубов говорил горячо, напористо и с немалой злобой. Трое его собеседников довольно эмоционально слушали выступление оратора, потрясая сжатыми кулаками, их лица выражали решимость. Да и немудрено – здесь присутствовали только те, кто в той или иной степени пострадал от императорской власти.

Сам Платон еще год назад был коллежским асессором, а теперь пребывал в убогом чине губернского регистратора, в котором и мужику ходить зазорно. Как тут не возненавидеть коронованного тирана, что держит его, столбового дворянина, в столь пошлой убогости!

Младший брат Валериан служил поручиком Ингерманландского полка, но в одиночье лишился офицерских погон, превратившись в младшего сержанта. Именно эта жгучая несправедливость со стороны императора и заставила его вскочить со стула. Он гневно засверкал единственным оком – правый глаз, выбитый при случайном падении с норовистой лошади, был прикрыт черной повязкой.

– Я лично придушу коронованного придурка! Ремешком удавлю, на котором мой отец своих борзых выгуливал! За что он меня честно заслуженных погон лишил?! Солдата, мужика драного по морде ударил?!

– Меня поместья лишил! За что, спрашивается?!

Поручик Андрей Марин также вскочил со стула, чуть не опрокинув со щедро накрытого стола большое блюдо с холодцом. Его лицо покрылось багровыми пятнами, губы искрились, затряслись, казалось, что вот-вот – и офицер заплачет.

– Дворовым девкам подолы ободрал?! Да с них не убудет! Прибить его, и всего делов!

– Правильно!

Князь Яшвиль громко затопал в гневе сапогами – у литвина, перекрестившегося обратно в православие, кроме титула, вообще ничего не осталось. И поместья, и чина он был лишен два года назад за надругательство над своими бывшими крепостными.

– Это же тиран, манифест о вольности дворянской даровал и сам же его нарушает! Меня, князя, Гедеминовича, с быдлом равнять?!

Собравшиеся за столом пятеро других заговорщиков одобрительно загудели. Поручик Саблуков в праведном гневе даже ударил стаканом так, что тот разбился о добрую столешницу.

Бутылка с красным вином подпрыгнула и повалилась набок, рубиновая жидкость тягучей струей полилась на стол...

Гостилицы

– Государь-батюшка, почто меня в гроб раньше срока вгоняешь? За что такая немилость?!

– Да ты что, Александр Васильевич, белены объелся?!

Петр искренне поразился – в голосе фельдмаршала прозвучала жуткая тоска. В иной реальности старый фельдмаршал умер по возвращении из Швейцарского похода.

Но сейчас Суворов нисколько не походил на замученного болезнями старика, продолжая жить в своем прежнем распорядке – ранний подъем, обливание колодезной водой, плотный обед без завтрака и ужина, верховая езда, занятия с солдатами и офицерами, а также многое другое, что надлежит выполнять любящему военное дело человеку. И даже, согласно сообщениям из «Третьего отделения», выполнял супружеский долг, причем второго сына жена родила ему всего три года тому назад.

Произожди такое событие лет тридцать тому назад, то над прославленным генералом смеялся бы весь Петербург. Первая жена фельдмаршала – княгиня Прозоровская, на которой тот женился сразу после победной Кагульской кампании, родила ему дочку, в которой старый вояка не чаял души, называя ласково Суворочкой.

Жена, посчитав супружеский долг выполненным, ударилась в распутство и навешала полководцу такие рога, что любой олень удавился бы от черной зависти.

Пересуды по Петербургу шли больше десяти лет, несчастный рогоносец полностью ушел в военную службу, а Петр, считая себя его другом, искренне страдал за репутацию своего лучшего военачальника и, в конце концов, не выдержал, обратившись к патриарху с настоятельной просьбой. И тот дал дозволение на развод супругов.

Александр Васильевич был счастлив как ребенок, что именно ему оставили дочь на воспитание, но, будучи постоянно в разъездах и походах, не мог заниматься дочуркой. Та жила в особняке князей Шаховских, взявших над ней попечение.

После злосчастной второй войны с турками Суворов по возвращении в Петербург, уже будучи в более чем зрелом возрасте, попал под чары юной княжны – подружки собственной дочери, возжелавшей стать женой увитого лаврами славы генерала.

И, к великому ужасу Петра, прежняя история повторилась в еще более худшем варианте. Родив сына Аркадия, княжна полностью «сорвалась с катушек», Петру иной раз казалось, что в столице не осталось ни одного извозчика, который не судачил бы о чрезвычайной любвеобильности молодой супруги фельдмаршала.

Петр не знал, что делать, полностью растерялся – придворные, сохраняя каменное выражение лиц, втихомолку смеялись, идти к патриарху во второй раз по тому же поводу было неудобно. И в минуту слабости, пребывая в отчаянии, он поведал Като о своих страданиях, чуть ли не разрыдавшись на ее плече.

И вскоре, к его великому удивлению, ситуация кардинально изменилась. Молодая жена фельдмаршала зачастила по монастырям и церквям, а на редких балах княгиня Суворова даже не смотрела на окружающих ее мужчин и демонстративно сторонилась танцев, отчего получила у острословов прозвище Монашка.

Сейчас женщина пользовалась немалым уважением столичного общества, о ее добротности и супружеской верности ходило немало разговоров, прошлое уже было подвергнуто полному забвению. Вот только позавчера, совершенно случайно, Петр узнал, что стало причиной чудесного перерождения княгини.

В тот день Като приняла бессильные слезы мужа слишком близко к сердцу и поступила с княжной очень жестоко. Застав ее врасплох в оскверненной супружеской опочивальне, императрица принялась вершить «воспитательный процесс».

Любовника зверски избили телохранители Като – черкесы, преданные ей как псы, и лютые как волки. Ловеласа осквернили, лишили «мужского достоинства», а затем отправили на Камчатку.

Какой уж тут суд и следствие – чистейшей воды произвол, совершенный венценосной особой!

Но к нему впервые в жизни Петр отнесся более чем благосклонно. Саму княгиню изверски пороли на протяжении суток, изломав о нежную кожу немало розог и заботливо посыпая периодически раны солью.

На прощание Като пригрозила перепуганной и измороженной женщине, что если она еще раз услышит про супружескую измену, то Суворову живьем замуруют в монастырской келье, не посмотрят, что та из аристократии, и будут кормить одними протухшими отбросами, пока женщина не сойдет с ума.

Молодая княгиня натерпелась такого страха, что с той жуткой ночи совершенно преобразилась, и старый фельдмаршал не мог нарадоваться своему тихому семейному счастью...

– Вот сам посуди, государь-батюшка! Французов я бивал, надеюсь, что хорошо, так?!

– Так! – после паузы ответил Петр, пытаюсь понять, куда клонит старый полководец.

– С пруссаками я воевал. Но сейчас они нам союзники... Как и датчане со шведами.

– Ты, Александр Васильевич, их своими противниками считать не можешь, не чета они тебе! А для шведов времена моего деда Карла давно окончились.

– Жаль, не сразился я с ним... – с искренним вздохом произнес старый фельдмаршал, уставив в потолок мечтательные глаза, затем тяжело вздохнул, снова переходя на земные реалии.

– Да и цезарцы нам ныне не враги, в союзники набиваются. Боятся тебя, батюшка-государь, и на войну вряд ли отважатся. Нет, Вена благоразумно себя ведет. А жаль...

– Это так, куда им супротив нас сражаться, болезным, да еще когда Гош им в затылок дышит! – самодовольно произнес Петр, ибо в Вене, как он знал, хотя сильно ненавидели русских, но молчали, хорошо пряча за дружелюбными масками истинные чувства, зато постоянно кланчили помощь, желая отбить Италию от обосновавшихся там французов.

Бесполезное занятие для вечно битых австрийцев!

Да и помогать Россия им бы не стала, заранее согласившись на передачу всего Апеннинского полуострова своему союзнику по «Сердечному Соглашению». Хотя сам Петр был бы не прочь, чтобы Австрия с Францией взаимно ослабили себя еще больше...

– С османами, батюшка, войны больше не станет? Вроде полячишки у нас снова бунтуют?

Суворов умоляюще посмотрел на Петра, и тот понял: фельдмаршалу не хватает войны, он живет ею, дышит. Если отнять у него любимую игрушку, произойдет страшное – без служения Марсу полководец просто умрет. Вот только утешить старика было нечем.

– Турки на войну не решатся, мы им в прошлый раз хорошо дали, беснуются, но воевать не станут. А поляки... Костюшко снова поднял восстание против пруссаков, но помогать своему младшему кузену я не стану. Больше почтения ко мне испытывать будет. Надеюсь, что сын Саша их к «Северному Союзу» скоро притянет, и тогда вся Балтика нашей станет.

– Я с англичанами, батюшка, не воевал, всех бивал, а с ними как-то не пришлось! – вкрадчиво произнес Суворов и посмотрел на императора умильными глазами. – Несчастье какое, Божье наказание прямо! Все оставшиеся годы переживать буду. Страдать...

– Да куда тебе на Индию идти?! – взорвался Петр. – Стар ты уже, пески и жара тебя уморят! И поход долгий...

– Стар?! – взвился фельдмаршал в самом искреннем негодовании. – Да я тебя на год моложе, отец родной!

– Какой я тебе отец?

– Как какой?! – Суворов притворно округлил фальшиво-честные глаза. – Когда ты мир этот криками разбудил и нянькам указания давал, меня еще в утробе материнской не имелось. Сам посуди, батюшка, мой сынок, крестник твой Петенька, младше внуков твоих. А потому ты мне – отец родной, никак иначе. А отправлять меня в Индию не желаешь, потому как место сие своему любимцу Бонапартову приготовил! А я генералом раньше стал, чем он кадетом! И в Индию сходить страсть как хочется, на слонов посмотреть, по следам Александра Македонского пройтись...

– Ладно, уговорил. – После мучительной паузы Петр развел руками, усмехнулся. – Языкастый ты наш! Через неделю маневры проведем. Возьмешь 2-ю дивизию гвардии и бригаду лейб-конвоя, а Бонапартов будет 1-й командовать. И кирасиров ему дам... Кто победит, тот на Индию и пойдет! Все, это мое слово! Э-э, ты куда?!

Таким Петр своего фельдмаршала еще не видел, тот радостно взвизгнул и бросился в дверь, а до императора глухим эхом донеслись брошенные уже из коридора слова ответа:

– Войска готовить, батюшка!

Петр усмехнулся и неожиданно вспомнил, что в реальной истории Суворов очень ревниво следил за успехами Наполеона и считал великим несчастьем, что ему не удалось сразиться на поле брани с величайшим завоевателем Европы.

– Так, выходит, я ему сейчас еще один подарок сделал?! Пусть не в реальном, а в учебном сражении... Недаром в Кончанском тот Суворов постоянно приговаривал: «Широко шагает мальчик, пора унять!»

Копенгаген

– Роман Владимирович, смотрите!

Капитан-командор Кроун живо обернулся на звонкий выкрик вахтенного офицера лейтенанта Павлова и обомлел: по узкому проливу из-за низкого острова выплывали один за другим корабли. Сами корпуса были еще не видны, только торчали мачты с надутыми белыми парусами, но их было много, очень много.

– Да сколько вас?!

Наметанным взглядом старого моряка, ориентируясь по рангоуту, Кроун насчитал с десяток линкоров, но за ними выдвигались все новые и новые суда, мачты которых появлялись на горизонте.

– Прах подери!

Такого флота на Балтике не имелось ни у одной страны, и даже в совокупности Россия, Швеция и Дания едва ли могли выставить три десятка линейных кораблей. Только одна держава смогла бы отправить сюда столь многочисленную эскадру.

– Никак сюда английский флот пожаловал...

Шотландец скривил губы, еще не в силах поверить собственным глазам. Как и все жители гористой Каледонии, Кроун сильно недолюбливал высокомерных англичан, с которыми горцы на протяжении столетий вели ожесточенные войны. Но, как говорят сами русские, сила соломой ломит – и свободолюбивые шотландцы покорились насилию.

Однако горячая кровь время от времени брала свое, и шотландцы предпочитали уезжать на чужбину, лишь бы не находиться под владычеством британского льва.

Так двадцать лет тому назад молодой лейтенант английского флота Роберт Кроун попросился на русскую службу, пойдя по проторенному пути многих своих соотечественников.

В России издавна тепло принимали шотландцев – еще при первом императоре Петре Алексеевиче потомок древнего королевского рода Яков Брюс достиг почти что фельдмаршальского чина, став командующим всей русской артиллерией, генералом-фельдцейхмейстером, а позднее еще и академиком.

С его именем москвичи всегда связывали Сухареву башню, в которой Брюс проводил свои опыты. Да еще долго работал в Навигацкой школе, обучая недорослей математике и астрономии, без знаний которых на флоте делать нечего.

И сейчас в русской армии служило немало шотландцев – те же генералы Барклай де Толли и Фермор. Да и на флоте все русские моряки знали адмирала Грейга. Кроун, следуя их примеру, сменил имя на Романа Васильевича, накрепко обжился в Северной Пальмире,

женился на милой барышне Марфе Ивановне и окончательно обрусел, считая приютившую его Россию своей второй родиной...

И теперь настал час показать ей свою верность!

Петербург

– Господа, а ведь это символично! Вот кровь императора! Она уже пролилась, посмотрите на стол! Нас ждет успех!

Мелодичный женский голос заставил всех присутствующих обернуться. Танцующей походкой воительницы Паллады Ольга Жеребцова в накинутом на плечи плаще подошла к столу и с победной улыбкой на губах оглядела собравшихся. Затем повернулась к высокому здоровяку лет сорока с похожим, все же родной брат, пусть и старший, но будто вытесанным топором, а не резцом лицом.

Тот правильно понял ее взгляд, его лапищи извлекли из-под такого же плаща два туго набитых кожаных мешочка, бросили их на стол. С мелодичным звоном монеты покатались по столешнице. Один из золотых кругляков попал в красную винную лужицу и тут же был извлечен из нее тонкими женскими пальцами.

– Смотрите, господа! Петрушка уже в крови. Очень символично, ибо нас ждет успех!

Собравшиеся за столом с трудом отвели замороженные взгляды от золотой россыпи и пристально посмотрели на прелестную сестру братьев Зубовых с немимым вопросом в алчущих глазах, и та немедленно разрешила их сомнения.

– Это вам, господа! По десять тысяч рублей каждому, дабы уже к вечеру вы смогли хорошо подготовиться. Тиран в Гостилицах, у него почти нет охраны, а вечером он любит прогуливаться по тому кровавому полю, где погибли восставшие против этого упыря гвардейцы, наши отцы и деды. Я пойду вместе с вами, господа!

Женщина подняла тонкую руку, как бы показывая этим жестом, что дает клятву.

– Принесем же счастье России! Избавим ее от коронованной мрази! И все достойные люди оценят нашу жертвенность, и у нас будет все, как в Англии, где монарх правит в полном согласии с дворянством. А вы перестанете пребывать в убогом положении и займете достойное место по праву! Забыть невзгоды вам поможет в будущем достойное вознаграждение в двести тысяч... Каждому! Смерть тирану!

Женщина была прекрасна в своем порыве, и мало кто из присутствующих заметил странное пламя в ее глазах. Три ее брата и четверо примкнувших к ним заговорщиков, взбодраженные горячей речью, вином и блеском золота, дружно выдохнули:

– Смерть тирану!!!

Тегеран

«Прикормленный» Радищевым сановник сразу же поставил российского посла в известность, скрупулезно перечислив все обиды и злобные наветы в адрес северной империи, что наперебой и горячо обсуждались во дворце вчерашней ночью.

Шах обвинил русских гяуров в том, что они давно тянули лапы к его стране. Вины действительные и мнимые персидская знать принялась живо обсуждать, начав чуть ли не с ветхозаветных времен, с правления царя Алексея Михайловича, с которого уже миновало свыше 130 лет.

Тогда на Каспийском море разбойничал казачий атаман Стенька Разин, наголову разгромивший флот шаха, посланный для уничтожения казачьих ватаг. Однако донские станичники оказались не лыком шиты – персидскую армаду разбили, адмирала убили, а его дочь, захваченная в плен свирепым казаком, была утоплена в Волге, принесенная в жертву.

И что обиднее всего, так то, что русские мужики сочинили про это злодеяние песню и, более того, высказали там всю ненависть, превратив несчастную пленницу в дочь персидского шаха.

Это ли, как кричали сановники, не показывает столь открыто всю злобу северного соседа?!

С тех времен прошло всего полвека, и уже не атаман разбойников – сам русский царь Петр запленил Каспий парусами кораблей. Русские полки победоносно двинулись на юг по его побережью от Астрахани через весь Азербайджан и дошли до Гиляни. Правда, не прошло двадцати лет, как гяуры убрались из нее, заключив мир, но удержали за собою Дагестан, потерю которого персы признали сквозь зубы.

Получив отпор от Турции и Англии в позапрошлую войну, русские обратили свой взор на персидские владения в Закавказье. Неверные подданные шахиншаха, грузины и армяне, подняли восстание, которое моментально было поддержано всей силою русского оружия. И что хуже того – многие азербайджанские ханства живо отреклись от шаха и полностью признали над собою власть «белого царя».

Персия не смирилась с поражением и три года тому назад начала войну. Однако ее воинство было наголову разгромлено войсками князя Багратиона, которые перешли в решительное наступление, заняли всю Гилян и дошли до Тавриза. Шах поспешил заключить с ними Гюлистанский мир, понимая, что противостоять Российской империи он не в силах.

– Жаль, очень жаль...

Радищев тяжело вздохнул, возможно, ему не хватило умения или золота, но себя он упрекнуть не мог – он сделал все, что было в его силах. Шах не захотел пропустить русские и французские войска на Индию, опасаясь, что те займут Персию и удержат ее за собою.

Поддавшись уговорам советников, что жаждали скорого и убедительного реванша, не поверив клятве «белого царя», Фетх-Али положился на англичан, польстившись на их золото и оружие, и вчера решил развязать очередную войну.

С восходом солнца, когда правоверные вершат первую молитву, дожидаясь появления всего светила, безумные дервиши своими плясками и призывами истребить русских гяуров вызвали мятеж среди горожан. Толпа, разбухавшая с каждой минутой, шла к посольству, от ее рева уже дребезжали стекла, норовя выпасть из рам.

Они хотят войны? Они ее получают!

Копенгаген

– Большой силой пожаловали! Вряд ли Троицу отмечать... – пристально глядя за бри-танцами, пробормотал сквозь зубы командор, рассматривая надвигающиеся белые паруса. Страх в душе сорокавосемилетнего шотландца не было: он уже понял, что не увидит заката, – слишком велико неравенство сил.

Против «Кенигсберга» и «Риги», вооруженных лишь 36-фунтовыми пушками, совершенно одряхлевших, помнивших победу при Чесме и первое зарево над Константинополем, и столь же древнего шведского фрегата «Ретвизан», который также входил в состав союзной эскадры, двигалось не менее дюжины вымпелов.

Все эти три корабля, жизнь которых в бою измерялась одним полученным в борт залпом, не стоили одного его «Великого Новгорода», на котором Кроун поднял свой брейд-вымпел.

И пусть на нем стояли те же 72 пушки, вот только треть из них была мощными 68-фунтовыми бомбическими орудиями, способными разнести в клочья даже стопушечных гигантов.

Еще имелись два торпедных аппарата, самого секретного оружия русских, что прекрасно проявили себя пять лет тому назад, утопив в Дарданеллах турок и тех же англичан.

Да к тому же на «Великом Новгороде» была установлена паровая машина, достаточно мощная, чтобы двигать корабль со скоростью семи узлов, и при штиле превращавшая его чуть ли не во всемогущего повелителя морей.

– Хорошо идут, собаки!

Кроун усмехнулся – бой был неминуемым. На союзников-датчан мало надежды, хотя те имели семь линейных кораблей, достаточно новых, но парусных.

Командор прекрасно видел, как в узкий пролив, ведущий прямо к Копенгагену, резво потянулась другая колонна английских кораблей, еще более длинная и внушительная.

– Боже праведный! Сорок три выпела!

В голосе вахтенного офицера просквозило отчаяние. Кроун бросил взгляд на команду – в полном молчании матросы и офицеры взирали на приближающегося неприятеля. Шотландец понял, что должен развеять подступивший к сердцам страх.

– Братья! – голос Кроуна завибрировал. – Чем больше врагов, тем больше слава! Запомните – неприятеля не считают, его бьют! Не посраим русской чести!

Речь капитана оказала должное влияние – команда флагманского «Великого Новгорода» сразу же оживилась, стряхнув с себя оцепенение, на побледневших лицах появилась решимость. Хлесткий приказ командора привел всех в движение:

– Корабль к бою изготовить!

Тегеран

– Что ж, глупцам урок никогда не впрок!

На блеклые губы русского посла напозла улыбка, глаза сощурились, словно Александр Николаевич смог прозреть дымку будущего – ведь покрывало тайны зачастую спадает перед глазами обреченных на смерть, будто оказывая им единственную милость.

– Жаль только, что уже не увижу, как наши гренадеры вышибут двери в шахском гареме! Вот будет презабавное зрелище вроде появления лиса в курятнике...

Радищев усмехнулся, прикрыв глаза, и устало опустил на массивный стул. Немного посидев в полном молчании, он медленно потянул ящик стола, достал из него револьвер, тускло сверкнувший граненым стволом, и принялся снаряжать барабан золотистыми цилиндриками патронов – пальцы его не дрожали.

Он сделал все, что было в его силах, – нарочный в Баку к генералу Багратиону послан еще вчера, подставы ему заранее приготовлены, жалеть лошадей посыльный не будет, ибо он офицер Генерального штаба и прекрасно понимает, как дорог не только час, но и каждая минута.

Через день он будет у князя, еще сутки плавания на пароходе до Астрахани, а оттуда уже проложена телеграфная линия до самой столицы.

Курды, ненавидящие как османов, так и персов, тоже получают сообщение – их желание отдаться под покровительство империи добровольно и настойчиво, а потому выступление против шаха неизбежно. А там и Евфратское казачье войско из них будет создано, и Россия крепкой ногою встанет на пути в Индию.

А затем...

Стекло со звоном разлетелось на мелкие осколки, и Александр Николаевич вынырнул из омета размышлений, попав в который, он позабыл про все на свете, ослепнув и оглохнув на короткое время.

Радищев подошел к окну, благо кабинет был на втором этаже, поднял руку с револьвером, направив ствол в разъяренную и беснующуюся внизу толпу.

Убийцы пришли к посольству за их головами, бросают камни, уже пошли на штурм здания, пылая желанием растерзать в клочки его немногочисленных защитников.

– Что ж, мы им сейчас покажем, как умеют умирать русские! И за свою смерть возьмем с них сторицей!

Париж

– Проклятая революция!

Молодой мужчина в хорошо сшитом платье, только что вошедшем в столичную моду, со всей силою стукнул кулаком по столу, не в силах удержать обуревавшие его чувства.

Перед глазами помимо воли снова вставали корзины с отрубленными человеческими головами – мужские, детские, женские лица с искаженными от ужаса чертами. Чудовищное изобретение доктора Гильотена стало символом революции, и в конце концов, гильотине был принесен в жертву ее же создатель.

– Да чтоб вас всех!

Жорж Кадудаль прекрасно понимал, что рано или поздно его голова тоже скатится в подобную корзину, «чихнет в опилки», как любили выражаться революционеры.

И такая казнь станет для него благодеянием, ибо то, что творили в его родной Вандее республиканцы под командованием генерала Гоша, не совершали даже дикие орды Тамерлана – восставших крестьян, невзирая на пол и возраст, жгли, резали, топили, вешали, вспарывали животы, обматывая голову кишками еще живого человека, варили в кипятке.

Ни один человек в здравом рассудке не совершил бы и тысячной доли тех жутких злодеяний, что делали парижские санкюлоты во имя пресловутых «свободы, равенства, братства».

– Либерте, эгалите, фратерните!

Зубы еле слышно скрипнули, Жорж Кадудаль, вождь шуанов, бригадный генерал королевской службы, хоть и получивший этот чин от еще не помазанного монарха, грязно выругался, будто выплюнул все свое отвращение к этой революции одним словом.

– Мэрд!

Целую минуту вожак продолжавших сражаться повстанцев, тайно прибывший в Париж, стоял молча у настежь открытого окна, смотря, как по грязной брусчатке, не убранной со времен несчастного короля Людовика XVI улице Сен-Никез, спешат парижане, торопясь к своим женам и опостылевшему луковому супу, где обломками кораблекрушения плавали обгорелые в печи гренки.

Вечерело.

Жорж Кадудаль впился глазами в единственную точку, будто именно в ней, у угла трехэтажного кирпичного дома, увидел какое-то откровение. Его взгляд остановился, застыл, генерал словно окаменел, прикусив губу. Тонкая струйка крови потекла по подбородку, багровые капли падали на подоконник, расплываясь в затейливые силуэты.

– Луиш Лазар Гош! – словно в беспамятстве вандейский вожак произнес имя своего заклятого врага. – Завтра ты мне заплатишь за все свои преступления!

Копенгаген

Кроун внимательно смотрел на приближающуюся английскую эскадру. Линейные корабли были не самые крупные, от 54 до 72 пушек, он спокойно пересчитывал их по открытым портам. Оно и понятно – 100-пушечные гиганты просто не пройдут через мелководные датские проливы.

Но девять против четверых – это много, чертовски много!

Роман Владимирович прекрасно понимал всю трудность предстоящей схватки. Только его новейший «Великий Новгород» мог сразиться, и не без успеха, с двумя, а то и тремя неприятелями. Но другие два линкора не отобьются и от равного противника. А шведский фрегат имел всего 34 пушки, да и те не больше 18 фунтов.

Конечно, паровая машина «Новгорода» позволяла уйти от схватки, но оставлять старые парусные линкоры Кроун посчитал для себя бесчестьем и отменил эту мысль сразу. Для него оставалось только одно – принять последний бой. Но перед битвой следовало позаботиться о том, чтобы вероломный враг получил достойное возмездие.

– Поднять сигнал «Вестнику»! Идти на Бронхольм! Оттуда – в Карлскрону! Желаю удачи!

Последнее напутствие вырвалось непроизвольно. Хотя бриг имел паровую машину, но если английские корабли предпочтут «свалиться» на него по ветру, то посыльному кораблю придется туго. Он может не вырваться из западни...

Кроун перевел взгляд на шведский фрегат, на палубе которого царила суеда, вздохнул и громко скомандовал:

– Передать на «Ретвизан»! «Уходите из батальной линии. Немедленно следуйте в Киль».

Сигнальщики стали быстро цеплять разноцветные флажки на фалы и быстро потянули на стеньги. Через минуту шведский фрегат расцвел ответными флагами.

– Ваше высокоблагородие, с «Ретвизана» отвечают: «Ваш сигнал о бегстве не разглядели. Принимаем бой».

– Гордецы! – уважительно пробормотал Кроун и обернулся, ощутив прикосновение к собственной ладони. – Почему ты еще здесь, Марфа Ивановна?! Я же приказал спустить шлюпку!

– Господь не дал нам детей, суженый мой. Неужели ты думаешь, я переживу тебя и глаза мои не изойдут слезами?! И каковы станут для меня эти постылые дни?!

– Оставайся...

С неимоверным усилием Кроун выдавил из себя это слово. Действительно, правы русские, когда говорят: «Жили они долго и счастливо и умерли в один день».

Больше он ничего не сказал супруге, только поцеловал в щеку. А женщина отошла от своего мужа, понимая, что тому нужно командовать в этой последней схватке со своими бывшими соотечественниками.

– Ваше высокоблагородие, на аглицком флагмане подняли сигнал – нам советуют сдаться! Что прикажете отвечать?

– Отвечать мы можем только одно...

Кроун говорил медленно, видя, как на него смотрят десятки настороженных матросских глаз.

– Поднять сигнал! «Погибаю, но не сдаюсь!»

Гостилицы

Сразу после взятия Константинополя России пришлось ввязаться в новую драку – на этот раз в союзе с битыми турками, что буквально возопили о помощи к недавнему врагу. Османы столкнулись с неприятной перспективой потерять в дополнение к европейским владениям еще и Палестину, куда двинулись из Египта победоносные войска лучшего генерала Республики Гоша.

Раньше, в то свое время, Петр считал, что Египетский поход Бонапарта являлся непродуманным авантюрным замыслом будущего императора Франции.

Однако и Гош тоже отметил под сенью пирамид, что не могло быть случайностью – Парижу явно не терпелось добраться до Индии и насладиться ее богатствами, нанеся тем самым страшный удар англичанам, что небезосновательно считали страну чая и слонов, как называли ее в советское время, жемчужиной британской короны.

Истории свойственно повторяться, пусть даже в этой новой, уже изменившейся реальности. Египетский поход французов также завершился пшиком, и с еще более плачевным для них исходом.

Потерпев от русского оружия сокрушительное поражение в Палестине, наследники галлов попятились обратно в Египет, где оказались запертыми как в мышеловке – на море уже господствовал британский флот, жаждавший свести счеты за Абукирскую катастрофу.

В том августовском бою погибла половина английской средиземноморской эскадры, а другую вице-адмирал Горацио Нельсон бездарно погубил в Дарданеллах на русских минах и под сокрушительным огнем бомбических пушек, коими командовал (о гримаса судьбы!) взятый на службу лихой корсиканец Бонапарт, не знающий, что в совсем иной истории он мог бы стать первым французским императором.

Французы были биты и в северной Италии, куда вихрем ворвались войска Суворова – старый фельдмаршал сокрушил республиканцев под Треббией и Нови, совсем как в прежнем варианте. Вот только генерал Жубер не погиб в последнем сражении, а был захвачен в плен, где будущий консул досыта наелся русской каши.

Переговоры с Моро, к вящему удовольствию Петра, оказались успешными. Он сразу решил помочь французу раскрыть карты. Разговор и так затянулся, крутился вокруг да около, гость все никак не мог решиться на откровение, а хозяин просто устал терпеливо ожидать главного, отдавая дань французской вежливости.

Все же по европейским меркам Моро, Гош и Жубер, лучшие генералы Франции, были возмутительно молоды, последним двум – немногим больше тридцати лет, лишь Моро постарше, разменяет через год пятый десяток. Все трое честолобивы, талантливы, происхождения самого затрапезного: Моро сын адвоката, Гош – каменщик, Жубер – вообще из студентов. Когда Петр узнал об этом, он ведь тоже попал в тело императора прямо из студенческой общаги, то возликовал – свой брат!

И что интересно – все трое явные республиканцы, никто из них не мучился наполеоновскими планами. Удивительно то, что генералы как-то смогли договориться между собой и три года тому назад свергли правительство разбогатевших на войне нуворишей, что пришли на смену свирепым якобинцам, отправив Барраса с компанией на свалку истории. Да и другим французским политикам крупно не повезло, генералы железной рукою установили Директорию и принялись наводить порядок.

Хотя кто знает насчет общего согласия, в этом Петр имел большие сомнения: может, кто из этой троицы имел и свои, несколько отличные от других двух консулов, планы.

– И тварей всяких миллионы, и все хотят в «наполеоны»! – задумчиво пробормотал император, разглядывая карту. Нет, он поступил правильно – продолжение войны с французами было только на выгоду англичанам.

А так в Европе все утряслось – Франция дошла до Рейна и дальше не пойдет, ибо галлам совсем не улыбается видеть русские полки, спешащие на помощь пруссакам и австрийцам.

Испанцев Париж оставил в покое, заполучив Италию, и сейчас республиканцы переключились на строительство флота – война с Англией за колонии развернулась не на жизнь, а на смерть.

Священная Римская империя, этот осколок Средних веков, осталась в неизменном виде: создания единого германского государства – ни сейчас, ни позже, ни «железом», ни «кровью» – Петр решил не допускать ни под каким соусом. Пусть все останется как есть, а «Второй Рейх» будет лишь неосязаемой мечтой немцев.

Нужно лишь вытянуть всех славян под покровительство России – чехов, словаков, хорватов и прочих, максимально ослабив тем самым тевтонские позиции, и потихоньку изымать желающих переселиться немцев – и в Сибири, и в Новом Свете масса пустующих земель.

Заботила лишь Англия, именно о ней Петр и думал, сосредоточившись на самой главной проблеме. И радовался, что ему и Гошу удалось сохранить «Сердечное согласие» в полной тайне.

Судя по всему, британцы совершенно не подозревали, что не пройдет каких-то пяти месяцев, как экспедиционный русско-французский корпус станет твердой ногой на Ганге, а «чудо-богатыри» будут любоваться красотами Калькутты и Бомбея и мыть запыленные юфтевые сапоги в теплых водах Индийского океана.

Дело в том, что английскую агентуру в России хорошо прошерстили, отправив пойманных шпионов в Сибирь, причем в такие суровые места, где даже волки морозят свои хвосты.

Несмотря на эти предупредительные меры, военные приготовления велись в полной секретности, а потому информация о них вряд ли могла дойти до Лондона.

«Так что внезапное превентивное нападение лощеных британцев на нас маловероятно! – подумал Петр и зло усмехнулся. – И заговор не организуют, как против несчастного Павла!»

Хлопнув ладонью о ладонь, саркастически скривил тонкие губы император, вспомнив подробности того убийства, организованного и проплаченного англичанами. Петр знал, что говорил – имел под державной дланью сразу четыре спецслужбы, начиная от «Третьего отделения собственной Его Величества канцелярии», где старательно пестовали интеллектуалов контрразведки, и заканчивая мордоворотами из «Тайной экспедиции» Сената, которые к пыткам почти не прибегали. Настолько устрашающим был вид этих звероподобных людей, которых даже выдавшие виды не иначе как монстрами не именовали.

Император ведал обо всем, что происходило среди аристократии и армии, кроме того, иногда и сам пускал в ход свой «детектор», врать которому было бесполезно.

– Нет, ничего у них не выйдет!

Петр снова усмехнулся, вспомнив вытянувшуюся физиономию английского посла Чарльза Уинтворта, которого на придворном балу он мимолетно прогнал через «детектор лжи» два месяца тому назад и убедился, что тот совершенно не знает ни о тайных, ни об открытых приготовлениях, ведущихся в Лондоне.

Тем более на всякий случай жандармы приставили к нему любовницу, весьма обаятельную даму, очень даже похотливую, с подходящей фамилией – Жеребцова. Их коллеги из соответствующего отдела МИДа в свою очередь завербовали секретаря посла. Потому все происходящее в английской миссии детально освещалось.

Приставленная к послу агентесса трудилась с огоньком, совершенно по-стахановски, рапорты писала обстоятельные, Петр их внимательно читал. Женщина работала виртуозно, иссушая Уинтворта как физически, так и финансово.

Такую рьяную службу император не мог не заметить, а потому даже повелел помиловать ее брата-лоботряса, почтмейстера, ошибка которого привела к случайному пожару на почтовой станции, в результате чего сгорел телеграфный аппарат. Правда, коллежского чина тот был лишен – для профилактики.

– Как там фамилия этого идиота?

Петр нахмурил лоб, старательно пытаясь вспомнить указанную в прошении фамилию.

– Такая простенькая, сама на зубы просится. Короткая, всего из нескольких букв...

Вот только припомнить ее Петр так и не мог, хотя старательно морщил лоб. Разочаровавшись в умственных усилиях, император встал из-за стола, с наслаждением потянулся.

– Ладно, хватит на сегодня размышлений. Сейчас на прогулку отправлюсь, проедусь по окрестностям, а вечером в баню схожу, косточки пропарю. А то все дела и дела...

Копенгаген

– Проклятые русские!

Горацио Нельсон не верил своему единственному глазу. Линейный корабль «Аврора», по которому дал единственный залп русский корабль с торчащей из палубы дымовой трубой, вспыхнул словно трухлявый сарай, обложенный сухой соломой.

Только сейчас до адмирала дошло, что те страшные пожары, которые он видел пять лет назад в Дарданеллах на английских кораблях, были отнюдь не случайны.

Московиты сумели поставить на свои лоханки не только изрыгающие дым вонючие паровые машины, но и чудовищные пушки с убийственными ядрами, вдвое тяжелее, чем английские, и к тому же снаряженные каким-то чересчур мощным порохом.

Бедную «Аврору» развернуло, и Нельсон прекрасно видел развороченный борт линейного корабля, будто сказочный великан поработал над ним огромным топором. Из раскрытых орудийных портов выплескивались длинные языки пламени, несчастный корабль сэра Хадсона на глазах превращался в огнедышащее жерло вулкана.

– Сэр, что у них за пушки?!

Капитан Трубридж, стоявший рядом, судя по ошарашенному лицу, тоже не верил собственным глазам. Нельсон зло усмехнулся, сжав тонкие губы, лицо исказилось.

– Хорошо, что у них еще мало таких больших орудий! Иначе бы наша эскадра давно была бы сожжена...

Бой шел уже около получаса. Русские оказали ожесточенное сопротивление, причем абсолютно непредвиденное. Линейный корабль «Пенелопа» был совершенно измочален пушками старых русских кораблей, но пока уверенно держался в кильватере.

«Гиацинт» пылал от носа до кормы, «Дюк оф Йорк» потерял грот-мачту, в него попало не менее двух десятков ядер, но корабль остался на плаву, наскоро починился и сейчас шел на помощь гибнувшей «Утренней заре».

– Сэр, смотрите!

Нельсон успел заметить, как над палубой «Авроры», разламывая крепкие дубовые доски, будто спички, взметнулся в небо огромный, длинный язык пламени, раздвоенный, словно жало змеи, и лишь спустя секунду ударил гром чудовищного взрыва.

Шу-ух!!!

Нельсон чуть не присел на корточки. Прямо на его глазах горящая развалина, что прежде была красивым линейным кораблем, гордостью его отряда, разлетелась в ошметки.

Адмирал видел, как по небу летят доски, человеческие тела, какие-то обломки и даже пушки. Да и само голубое небо, казалось, превратилось в густые кембриджские чернила, отсвечивая глянцевой угольной чернотой...

Гостилицы

– Как хорошо! И не подумаешь, что тут резня сорок лет тому назад была жуткая...

Прошлое словно волной прокатилось перед глазами Петра – пороховой дым снова укутал густым покрывалом поле баталии, свирепый рев гвардейцев, идущих в штыковую атаку, оглушал.

По ушам ударил грохот пушек, ржание лошадей, хриплые стоны раненых. И он заново ощутил смрад дымящихся человеческих потрохов, рассеченных острой сталью, солоноватую влагу крови на губах.

Память услужливо переставляла слайды, а Петр заново их просматривал. Зрелище завораживало, затягивало, и лишь неимоверным усилием воли императору удалось отогнать от себя видение. Он закрыл глаза, потряс головой, и морок рассеялся.

– Слава Богу!

Перед ним снова стояла белокаменная часовенка, установленная рядом с братскими могилами. Ее золоченый купол в лучах заходящего солнца отбрасывал багровые отблески, которые кровавыми пятнами ложились на зеркальную ленточку неширокого ручья.

– Сейчас съездим до рощицы, постою немного на новом мостике, ведь прежний Гаврила Державин взорвал...

Петр привстал в стременах, пытаясь разглядеть пойму близкого ручья, где он повел своих голштинских гренадер в контратаку, закрывая брешь, что пробили измайловцы.

Но зеленые верхушки берез той самой рощицы, за которой тогда скрывалась в резерве его личная гвардия, мешали увидеть место побоища, где он свалил известного силача Ивана Орлова.

Дав шенкеля смирной лошади, прекрасно обьезженной и чутко понимающей любое касание своего венценосного хозяина, Петр потихоньку съехал с бугра. За ним двинулись два казака, которые всегда сопровождали императора в его «дачных» поездках. Молодые и рослые донцы, его крестники, в чьей верности он никогда не сомневался, не отходили от императора ни на шаг. К ним Петр привык, как к собственной тени.

Старина Данилов, да не Лукич, который сорок лет назад злодействовал на этом поле, а его сын, до боли похожий на отца, – такой же седуосый, чубатый, немногословный матерый казачина, муштровал лейб-гвардии Атаманский полк на совесть.

Именно донцов Петр всегда приставлял в качестве охраны своим детям, даже не беря с них особой клятвы. Прекрасно знал, что те предпочтут смерть, чем неисполненный долг.

Пальцы легко держали повод, гнедая сама выбирала путь, а Петр предавался отдыху, с жадностью вдыхая прохладный летний воздух. В это время в Петербурге нет ночи, а есть один затянувшийся вечер, плавно переходящий в утро, когда солнце начинает только проглядывать на востоке. Сейчас светило начало величаво опускаться за горизонт, и вместо золотистого цвета окрасилось в багряный румянец.

Петр припомнил события сорокалетней давности – именно в эти часы, получив известия о гвардейском мятеже в Петербурге, он отправил Миниха в Кронштадт, а сам стал собирать войска.

– Эх, какие были дни... – сквозь стиснутые зубы еле слышно пробормотал Петр, вспоминая прошлое. Странное дело, но он иногда прямо скучал о тех беспокойных и суматошных часах, когда его жизнь висела на волоске, когда выплескивался лошадиными дозами адреналин, в жилах бурлила молодая кровь, а рука крепко сжимала шпагу.

Славное было время, что ни говори – время молодости, желаний, биения сердец!

– Хм. Ты о чем тоскуешь, брат?! – подбодрил Петр сам себя и съязвил, слегка похлопав себя по лбу. – Песок скоро посыплется, а ты все о драке мечтаешь! Мыслимое ли это дело для императора? Сейчас ты можешь только орлом на стульчаке сидеть да указания мудрые отдавать. Страдания твои, друг мой, мне известны – дайте, дайте мне дубину, я пройдуся по Пекину, пусть узнают шаоляня, как гуляет пьяный Ваня!

Петр жизнерадостно рассмеялся, но казаки даже бровью не повели на этот смех. Донцы привыкли к перепадам настроения своего государя и, не моргнув глазом, переносили все его внезапные выкрутасы. Да и не их дело судить о своем монархе, что отцом им является. Почитание родителей и стариков на Дону казачатам накрепко в головы вбивали.

– Но при чем здесь зубы?

Мысли Петра произвольно перенеслись на ночной разговор с дедом, и он машинально ощупал прекрасно сохранившиеся зубы языком. В Кунсткамере, что в то, студенческое, время, что сейчас он видел шкатулку, доверху заполненную зубами – плод усилий самодержца, доморощенного дантиста по совместительству.

Император Петр Великий очень любил рвать своим подданным зубы и под страхом жестокого наказания запретил петербуржцам, страдающим зубной болью, обращаться к врачам, взвалив на себя функции стоматолога.

Жители терпели до крайности, лишь когда боль их совершенно донимала, с покорностью жертвенных баранов шли к венценосному врачу.

Тот брался за дело охотно, предварительно собственноручно налив немалый стакан перцовой водки для храбрости и обезболивания. Затем брался за дело, используя купленный в Голландии комплект медицинских инструментов, более смахивающих на палаческие.

Больному от одного их вида становилось худо, а потому, думая о худшем для себя исходе, многие заранее ходили на исповедь и принимали причастие, готовясь предстать перед Вышним судом, ибо сесть перед императором-дантистом многие почитали за добровольное возложение на плаху собственной головы.

Впрочем, Петр Алексеевич изрядно набил руку и, имея немалую физическую силу, резцы с клыками вырывал лихо. С коренными зубами император тоже долго не мучился, найдя отличный выход. Дабы иметь возможность подобраться к больному зубу, он сперва удалял пару здоровых, и лишь после выполнял искомую хирургическую операцию. Потому-то в той шкатулке даже на первый взгляд совершенно целые зубы значительно преобладали над почерневшими, ломанными или корешками.

– Да уж! Нашим бы стоматологам такую богатейшую практику и безропотных пациентов!

В который раз Петр удивился кипучей энергии деда, который старался освоить все профессии, особенно те из них, которые напрямую касались выпуска крови из человека – от дантиста до палача. Причем в последней ипостаси российский самодержец сам мог дать многим «запленных дел мастерам» изрядную фору...

Гнедая тем временем вышла на дорогу, и перед взором Петра открылся красивый, будто сотканный из воздушного кирпича мостик, переброшенный через серебристую ленту ручья. Чуть не доехав до него всего несколько шагов, стояла открытая коляска, запряженная парой вороных.

Вскинувшиеся в седлах донцы тут же успокоились, отняв мозолистые ладони от рукоятей шашек. Да и какую угрозу для них, матерых рубак, могли представлять молодая женщина в белом пышном платье, печально стоявшая на обочине, да бородатый кучер, баюкавший на груди правую руку, перемотанную окровавленной тряпкой.

– Обычное дело, батюшка-государь, – тихо промолвил донец, подъехав к Петру вплотную, – быстро ехали. Вот колесо со шкворня и соскочило. Мужика выбросило, в пыли весь изважикался. Тьфу!

В голосе казака отчетливо просквозило презрение чуть ли не родившегося на коне станичника к обычному извозчику, что не то что в седле, на облучке удержаться не может. Одно для таких у донцов слово – сиволапы!

– Подъедем, братцы, поможем. Негоже даму под вечер на мосту оставлять – в своем платье она, бедняжка, и на коня не сядет, а в своей обувке до жилья не дойдет.

– То доброе дело сотворим, царь-батюшка. Зараз колесо им поставим, плевое дело!

Казаки оживились, шмыгнули носами, и Петр сразу понял причину некоторого их возбуждения. Рубль-другой станичникам на водку обязательно перепадет. Хотя на царской службе они отнюдь не бедствовали, да и не пили, неся круглосуточную охрану.

В кабаки донцы ходили, только будучи свободными от службы, находясь в краткосрочном отпуске, зато отрывались по полной, иной раз разнося заведение по бревнышку.

И как ни боролся Петр с этой пагубной привычкой, но переупрямить казаков так и не смог. Недаром неофициальным гербом Тихого Дона является пьяный казак в костюме Адама

до грехопадения, но с папай и при сабле сидящий верхом на винной бочке. И ничего тут не добавишь – в бой казаки на коне лихо мчатся, а из кабака их и на арапнике не вытянешь.

Пока все не пропьют, не уйдут!

Копенгаген

– Крюйт-камера взорвалась, сэр!

Трубридж прохрипел совершенно осипшим голосом, и Нельсон раздраженно дернул плечом.

– Сам вижу! Сейчас к русскому подойдет «Дюк оф Йорк» и разрядит по нему пушки!

Адмирал прижал к единственному глазу подзорную трубу – мощный и пока серьезно не пострадавший 72-пушечный «Герцог Йоркский» накатывался на русский корабль неотвратимой смертью, приближаясь к нему на пистолетный выстрел.

«Все правильно, пушки у русского разряжены, и Хью даст в упор полный залп. Протянет ядрами по всему борту. Как там его? «Гранд Нью Сити»?! Что за варварское название?! О-о-о! Годдем!»

Крышка одного из портов, в самом низу русского линкора, чуть ли не у ватерлинии, которую адмирал принял сначала за заплатку, неожиданно поднялась. И тут же из нее с дымом вылетело черное длинное бревно, шлепнулось в воду и с отчетливо видимым пенным следом рванулось прямо к середине борта «Герцога».

Нельсон онемел, ему показалось, что сердце остановилось, он даже не дышал. Только теперь адмирал понял, что все рассказы спасшихся моряков, которые видели в Дарданеллах самодвижущиеся бревна, способные в ключья разнести любой корабль, не являются выдумкой, бредом, плодом больного воображения...

«Они их называли «Копьями Сатаны»! Да, это оно!»

Швах!!!

У борта «Дюк оф Йорк» вырос огромный белый султан воды, взлетевший чуть ли не до клотика фок-мачты. И когда он опал, глазу адмирала предстало чудовищное зрелище – крепкий дубовый борт словно был проломан страшным ударом чудовищного топора сказочного великана, в нем зияла огромная пробоина, куда с плеском устремилась вода. Линкор неотвратно заваливался в свинцовую гладь моря.

– Сэр, так это правда?! У русских действительно имеется это чудовищное оружие?! Это не болтовня! Хоули щит!

– Черт с кораблем! Я готов потерять еще два, но такое оружие должно быть у нас!

Нельсон мотнул головой. Потеря трех новых линейных кораблей его не сильно огорчила, ведь в замену были утоплены две старые русские лоханы и шведский фрегат.

Теперь у англичан было подавляющее преимущество – четверо против одного. Да еще командор Грей с тремя кораблями спешил на помощь. Сейчас главное – не подходить к правому борту, там может быть еще одно «сатанинское копьё».

Хотя...

В этот момент в голове адмирала промелькнула удачная мысль, и он ее тут же громко выразил:

– Передайте сигнал Грею – пусть заходит с правого борта. А мы с левого. Возьмем русского в два огня! И еще одно, Трубридж, – нам нужны пленные с этого корабля, желательно офицер. Он сейчас на вес золота! Поэтому озаботьтесь, капитан, заранее!

Париж

– Бедный Симон!

Первый консул Французской Республики, дивизионный генерал Гош машинально вытер расшитым золотом обшлагом мундира пот со лба. Ему снова привиделась Вандея –

дикий край мятежных шуанов, бесчеловечных в своей жестокости, недостойных считаться французами, а потому подлежащих беспощадному истреблению.

Якобинская диктатура отчаянно нуждалась в хлебе – Париж голодал. Зажравшиеся вандейские крестьяне категорически отказались отдать зерно. Более того, они перебили отряды Конвента и зверски растерзали посланных за хлебом комиссаров. Глумясь, вспарывали животы революционерам, набивали чрево пшеницей и злобно приговаривали: «Вот вам наш хлебушко забесплатно, досыта отведайте!»

– Канальи!

Гош встал из-за стола, его терзала ненависть. Ровно девять лет назад, в проклятом девятнадцатом году, его, сына простого каменщика, ставшего бригадным генералом Республики, отправили с войсками на усмирение мятежного департамента, поднявшего белые знамена с ненавистными золотыми лилиями – символами власти обезглавленного на гильотине короля.

– Несчастный Симон!

Перед глазами Гоша всплыл из памяти бедняга адъютант, попавший в засаду и схваченный самим Жоржем Кадудалем – ражим молодым детиной, особенно зверски расправлявшимся с захваченными в плен республиканцами. И этот упырь постарался во всю гнусность души и своего подлого разума – Симон еще дышал, когда Гош с двумя эскадронами Национальной гвардии пошел в атаку на лагерь бандитов.

Он не узнал своего адъютанта – 17-летнему юноше выкололи глаза, отрезали язык и уши и нарядили в «красные штаны» санкюлотов. Кадудаль лично, как узнали позднее, снял с парня всю кожу от поясницы до щиколоток. Хотя генерал отомстил, приказав перебить всех вандейцев, которые, невзирая на пол и возраст, бешено сопротивлялись.

Даже женщины и маленькие дети с растрепанными волосами, искаженными лицами, распаленные безумной яростью, как озверелые фурии, с лютостью бешеных собак бросались на солдат Республики.

Приказ генерала был выполнен в точности, хотя восстание удалось подавить лишь через два года. Вандея полностью обезлюдела, только черные вороны, вестники горя, каркали на пепелищах...

Гош ни о чем не жалел ни тогда, ни сейчас, только лицо несчастного адъютанта, которого он собственной рукой избавил от мучений, иной раз всплывало у него в памяти. Только так, и никак иначе – либо Республика, либо король! Победитель может быть только один!

Сам Гош считал, что выбрал правильную сторону, ибо в королевской гвардии сын простолюдина, что луковый суп считал неслыханным яством, смог бы выслужить офицерскую шпагу, и то при невероятном везении, лишь к старости.

В армии Конвента молодой Луиш Лазар прошел путь от солдата до полковника всего за один год, став в 23 года бригадным генералом.

Не это ли лучшее свидетельство истинно народной власти?! Власти, которая ценит людей прежде всего за их настоящие заслуги перед Республикой, а не за происхождение...

– Бедный Симон...

В памяти глухо щелкнул выстрел. Гош воочию ощутил пистолет, который дернулся тогда в его руке, избавляя несчастного от мучений. И тут же память отступила, смытая волной застарелой ненависти, накопившейся за эти годы и прорвавшей «плотину» железной воли.

– Жорж Кадудаль! Я еще с тобой посчитаюсь!

Копенгаген

– Флаг сбили!

Отчаянный выкрик матроса заставил Кроуна обернуться, тяжело припадая на ногу. Капитан-командор был ранен – осколок разорвавшегося ядра распорол ему мышцу. Жена, сразу кинувшаяся к нему, умело перетянула голень жгутом и наложила повязку.

Сейчас, в этом безумии кровавой схватки, он не мог нарадоваться на свою Марфу Ивановну. Она, как опытная «сестра милосердия», уже перевязала десятки матросов и офицеров, не обращая внимания на взрывы и всюду занимающиеся пожары.

Но не только женой, сейчас Кроун гордился всей командой «Великого Новгорода», матросами и офицерами, которые не обращали внимания на легкие ранения – они были почти у всех. Даже те, кто потерял руку или ногу, но находились в сознании, продолжали драться, помогая накатывать орудия или подавая картузы.

– Флаг поднят, господин капитан-командор!

Из клубов дыма выскочил лейтенант Колбасьев, злой, растрепанный, с безумными глазами.

– Вы почему здесь, Иван Петрович?! Немедленно вниз, к своему аппарату! Пожар и без вас потушат!

Лейтенант шотландцу нравился. Лихой офицер имел красный Владимирский крест с мечами за потопление торпедой турецкого флагмана в Дарданеллах. Вообще-то молодой мичман тогда потопил еще и британский корабль, однако островитяне являлись в то время союзниками, и награждать за столь удачный выстрел не стали, неудобно как-то...

– Иван Петрович, голубчик, на вас только вся надежда. Британцев двое, и если вы поразите своей торпедой одного из них, то от второго мы сможем уйти. Я не хочу терять «Великий Новгород», корабль должен еще послужить России. К тому же это последняя просьба...

– Чья?! – искренне удивился лейтенант.

– Вы были внизу и не видели, юноша, как с «Риги» передали флажками просьбу идти нам на прорыв. Они гибнут, прикрывая нам отход! Нельзя, чтобы их гибель была бесцельной!

– Да, вы правы, господин капитан-командор, прошу извинить меня...

– Мы прорвемся к Борнхольму, там стоит наша эскадра. Адмирал Ушаков должен знать о вероломном нападении! Так что цельтесь точнее, на вас вся надежда! Постойте!

Кроун остановил побежавшего было офицера и прикусил губу, терзаемый сильной болью. Затем тихо произнес, почти зашептал, наклонившись чуть ли не к уху молодого лейтенанта.

– У меня к вам личная просьба, Иван Петрович. Если мы не сможем прорваться, то спасите мою Марфу Ивановну. Вы отличный пловец, а до берега недалеко...

– Я понял, Роман Владимирович, разрешите идти?

– Идите, лейтенант, и хранит вас Господь!

Тяжело припадая на ногу, Кроун подошел к фальшборту. «Британец» настигал, грозно выставив пушечные жерла из орудийных портов. За ним тянулись и другие корабли английской эскадры, их белые паруса были наполнены ветром. Старый шотландец посмотрел на трубу, из которой валили густые клубы черного дыма.

«Коптильня» – усмехнулся командор, вспомнив, как первый раз ступил на палубу линкора. Но теперь вся надежда была именно на паровую машину.

Стоит только зайти за остров и повернуть против ветра, как британцы отстанут, и это будет спасением, ибо сейчас «Великий Новгород» уже потерял две трети своей боевой мощи.

Большая часть пушек выбита, экипаж держится из последних сил, вся надежда на лейтенанта со «вкусной» фамилией Колбасьев, на его единственную оставшуюся торпеду да на паровую машину, что позволит вырваться из смертельного окружения. Чтоб, не дай Бог, не сломалась! А если придется умирать, то...

– Я хотел бы умереть под своим Андреевским флагом! Но лучше даже под двумя...

Он поднял заплывшие кровью глаза на стеньгу – именно здесь и сейчас Кроун хотел увидеть стяг своей полузабытой, пусть суровой и холодной, но прекрасной родины.

Гостилицы

– Вам помочь, красавица?

Петр осадил лошадь прямо перед женщиной и не в три приема, а словно вспомнив молодость, лихо соскочил с седла, вынув сапоги из стремян.

И хотя он был в полевой форме, сняв шитые золотом воротник и клапана, женщина узнала императора сразу, ибо без промедления присела перед ним в реверансе, низко склонив голову.

– Я буду благодарна вам, ваше величество, если это не помешает вашим планам.

– Нисколько! – демонстративно пожал плечами Петр и быстро окинул взглядом склонившуюся перед ним фигурку. Кровь не забурлила, как в молодые годы, но увиденное являлось довольно-таки прелестным зрелищем. Маленькая, изящная фигура, нежная, почти лебединая шейка, волнительные полушария чуть прикрытой батистом груди.

«Весьма аппетитно! Да, весьма... Ты давно стал, братец, чистым ценителем, не переходя от теории к практике?! Жена, конечно, дело святое, верность надо блюсти... Но полюбоваться иной раз стоит ради поддержания интереса. Тем более на такое чудо. Очень даже аппетитная! Повезло кому-то, мацает ее всей пятерней!»

Мысли ползли обожравшимся удавом. Последние два десятка лет Петр больше грешил в голове, чем на деле. Претило ему это как-то. Особенно когда понимал, что легкая доступность прекрасных женщин напрочь развращает мужчину, ведь с высоты его положения только свистни, и многие дамы сразу из платьев выпрыгнут.

Но зачем лишний «головняк» от любовниц? Согрешил он так несколько раз, а потом чуть ли не повесился от назойливых просьб – то папеньке землицы прирезать, то какого-то кузена орденом наградить, то фрейлиной в свиту к собственной жене зачислить.

Последнее пожелание только законченная дура могла произнести! Узнай Катенька о такой просьбе, глаза бы выцарапала полюбовнице. Жена в последние годы, потеряв былую привлекательность, но сохранив величественную статность и красоту, стала жутко ревнивой.

Петр же, наоборот, стал пристально, раздевая глазами, поглядывать на молодых, что крутились при императорском дворе в невероятном количестве. Хотя грешил только в мыслях. Но недаром в народе говорят: «Седина в бороду – бес в ребро».

– И как вас занесло в эти края, красавица?! – игриво спросил император, протянув руку для поцелуя. Женщина почтительно приложилась к его руке, и он мимолетно ощутил, как царапнули кожу сухие губы.

– К тетке еду, к графине Браницкой, ваше императорское величество. Она на даче за Гостилицами живет. Меня зовут Ольга Жеребцова, мой муж Александр Павлович служит статским советником в Счетной палате Сената. Всегда к вашим услугам!

Голос женщины стал с придыханием, волнительным, чуточку возбужденным, и Петр от этого взволновался, ощутив, как заходила толчками в жилах кровь.

«Ишь, голосок как задрожал! Никак возбудилась?! А глаза-то как заблестели, будто накинуться хочет... И меня с ходу изнасиловать! Ну что ж, я не против, давненько не мямлю руками таких цацек! Не девка ведь, а баба, все знает, все умеет...»

Мысли хотя текли насквозь игривые, но осторожность Петр соблюдал и бросил взгляд на казака. Тот мотнул два раза головой, как бы подтверждая слова женщины.

В такой проверке император своим донцам полностью доверял, станичники прекрасно знали все окрестности и их обитателей, а также гостей, которые сюда наведывались время

от времени. Этот молчаливый кивок полностью успокоил Петра, и он продолжил жадно оглядывать женщину, лаская ее взглядом.

«Карета пусть стоит на мосту, а ее в седло и в баньку попариться! Муж? А хрен с ним, не стенка, отодвинется. Действительного статского ему дам, и Анненскую ленту через плечо накинута. Заслужил, право слово, такую кралю подцепив!»

Однако на горящий взгляд Петра женщина ответила не багряным румянцем ложной стыдливости, а бледностью, что залила ее щеки и переместилась на шею. А глаза, вместо ожидаемого и привычного кокетства, полыхнули нешуточным огнем.

«Ну не хочешь, не надо! Что беситься, я тебя тут насиловать не собираюсь! Поставим колесо и проваливай! – Мысленно Петр попятился, быстро меняя планы. – Странная баба... Жеребцова, Жеребцова... Где-то я встречал сию фамилию, и совсем недавно...»

Петр закусил ус, думая и смотря, как его казаки дружно, в четыре руки, поставили колесо на ось.

«Жеребцова?! Так это та агентесса, что спит с Уитвортом! Почему она себя странно ведет?!»

И тут император услышал характерный щелчок – так ставят револьвер на боевой взвод. И не думая, на одних внезапно проснувшихся рефлексах, Петр рванулся в сторону, выхватывая шпагу из ножен. Словно в замедленной съемке он увидел граненый ствол револьвера, и огненный всплеск на мгновение ослепил его. Что-то горячее обожгло щеку.

– Государь! Изме...

Громкий крик казака оборвался хриплым стоном, выстрелы суматошно загревели. Бородатый «кучер», оказывается, прятал под повязкой уже взведенный револьвер. И сейчас палил в упор в широкие спины не ожидавших подлого нападения донцов.

Первый из казаков получил пулю в голову, мозги забрызгали коляску. Грудь второго станичника пронзили две пули, но он успел выкрикнуть предупреждение. Прогревели третий выстрел, и казак бездыханным телом свалился рядом с убитым односумом.

«Чертюва баба! Врешь, не возьмешь!»

Петр рванулся за лошадь, уходя от третьей пули, которую в него пыталась всадить убийца в женском обличье. Будь револьвер в крепких мужских руках, император был бы давно убит. Однако армейский «кулибин» – тяжелая штука, спуск у нее тугой. Вот и дрожали женские ручки, и промах следовал за промахом.

– Ну, падла!

В Петре словно проснулся молодой парень, что когда-то повел в яростную атаку своих гренатер на этом самом ручье, он бросился к лжекучеру, отчаянно выбросив вперед шпагу. Убийца попытался повернуться, вскинуть револьвер, но было поздно.

– Получи, сучий потрох!

Клинок доброй германской стали пронзил горло насквозь. Петр специально рванул рукоять шпаги в сторону, распарывая горло, и это его спасло.

Струя брызнувшей крови заставила женщину шарахнуться в сторону, и она сбила себе прицел. Пуля лишь царапнула Петра по волосам, вместо того чтобы развалить голову, как гнилой орех.

«Пятый!» – машинально сделал отчет Петр и, состроив самую зверскую гримасу, на которую только был способен, в дикой ярости заорал, высоко подняв окровавленную шпагу:

– Я тебя щас на вертел посажу, сучка!!!

– Валера! Платоша! – в отчаянии закричала женщина и, выстрелив в сторону императора оставшимся последним патроном в барабане, бросилась от него убежать, путаясь в подоле. Петр догнал бы ее в три прыжка, но выкрик убийцы заставил его остановиться.

«Писец! Да сколько ж вас тут?!»

От рощи к мосту бежали четверо мужчин, еще двое вылезли из камышей неподалеку, все в масках наряжены, руки крепко держат револьверы и обнаженные кинжалы.

– У-у, падлы! – прямо нечеловеческим голосом взывал Петр. Схватил револьвер кучера – тот лежал в пыли и все еще продолжал сучить ногами, из разрезанного наискосок горла толчками выплескивалась кровь.

Перебросив шпагу в левую руку, Петр быстро выстрелил два раза, на третий курок только щелкнул, барабан был пуст.

Годы, проведенные с «кулибиным» в руках, тысячи патронов, которые он извел, сейчас окупилась сторицей – оба «камышатника» упали. Один, нелепо подогнув руку, уткнулся носом в траву, а второй с всплеском доброго сома рухнул в воду.

Однако и вокруг императора свистели пули, четверка бандитов, торопливо грохоча сапогами, приближалась. Убийцы были от него уже в тридцати шагах, и чудо, что они в него еще не попали.

– Врешь, не возьмешь! – хрипло прокричал Петр, осознавая, что уже обречен. Взять оружие у погибших казаков он не успеет, изрешетят в спину. Переть с одной шпагой в руке на душегубов – изощренный путь героической смерти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.